

ДЖИНН БЁРДСЕЛЛ

ПЕНДЕРВИКИ ВЕСНОЙ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Джинн Бёрдселл
Пендервики весной
Серия «Пендервики», книга 4

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67035813
Джинн Бёрдселл Пендервики весной:
ISBN 978-5-4370-0339-8

Аннотация

В этом году три младшие сестры Пендервик впервые в жизни отправляются на каникулы без старшей, Розалинды, – а значит, им придётся примерить бремя старшесестринства на себя. Уютный домик с верандой, солёные брызги океана и нахальные чайки – всё это волшебно! Но как быть, если одна из сестёр вдруг утонет, сгорит на костре или, хуже того, лопнет? А другая возьмёт и сойдёт с ума – а может, уже сошла, если присмотреться... Как брать на себя ответственность за всех? И как себя вести и что говорить, если от твоего слова зависит прошлое и будущее Джеффри – твоего самого лучшего друга?

Перед вами продолжение бестселлера о сёстрах Пендервик, получившего Национальную книжную премию США в 2005 году.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	36
Глава четвёртая	55
Глава пятая	76
Глава шестая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Джинн Бёрдселл

Пендервики весной

J. Birdsall

THE PENDERWICKS IN SPRING

Перевод с английского Н. Калошиной

Перевод произведения публикуется с согласия Random House Children's Books, филиала издательства Penguin Random House LLC.

Jacket art and interior illustrations copyright © 2015 by David Frankland

Text copyright © 2015 by Jeanne Birdsall

© Н. Калошина, перевод, 2021

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2021

* * *

Тебе, Эллиот

Глава первая

Весна

Один-единственный плоский сугробик под большим дубом в конце двора – а если Бетти Пендервик продолжит растаптывать этот сугробик с таким же упорством, то скоро и вообще ничего не останется.

– Потому что пока лежит снег, весна не придёт, – объяснила она младшему брату Бену.

Бен тоже радовался окончанию зимы, но по-своему: он выкапывал из земли камни. Камни были его страстью.

– А мисс Ламберт говорит, что весна наступает в марте. – Бен учился во втором классе и пока ещё верил всему, что говорит учительница. – А сейчас уже апрель.

– В марте – это по календарю. А по-настоящему она не может наступить, пока не растает весь снег и не расцветут нарциссы. Так папа говорит. – Дойдя до пятого класса, Бетти относилась к словам учителей с некоторой подозрительностью. Папе она доверяла больше. – А у миссис Гейгер как раз вчера расцвёл первый нарцисс. Так что если у меня сейчас получится добить вот этот...

Звяк! Бенова лопатка чиркнула о металл.

– Золото! – завопил Бен.

Но не успела Бетти растолковать брату, что шансы найти золото у них во дворе крайне невелики, как в окне второго этажа мелькнуло что-то рыжее, поэтому она крикнула только:

– Прячься!

Дважды повторять не пришлось. Бен рванул к дому, прямо под это окно, чтобы сверху его не было видно, и ещё присел для верности. И правильно сделал, потому что это рыжее в окне уже превратилось в целую гриву рыжих кучеряшек на голове маленькой девочки, а нос этой девочки уже прижался к стеклу. Вообще-то эта девочка, Лидия, – двухлетний ребёнок, самый младший в семье Пендервик, – должна была сейчас спать. Но совсем недавно она обнаружила, что если сложить все мягкие игрушки в кроватке друг на дружку и встать сверху, держась за загородку, то границы мира сильно расширятся – можно увидеть гораздо больше. Старшие Пендервики сразу сказали, что с этой кроваткой скоро при-

дётся распрощаться: ещё чуть-чуть – и Лидия научится из неё выбиратья.

Сейчас Лидия, нежная как ангелочек, торчала в окне и ревела как сирена:

– БЕ-Е-ЕЕН!

– Лидия, надо спать, – крикнула ей Бетти.

– Лидия уже всё, – донеслось сверху.

– Ничего не всё, ты должна спать ещё пятнадцать минут.

Лидия обдумала это, покачиваясь на вершине шаткой пирамиды из игрушек, и вернулась к тому, с чего начинала:

– БЕ-Е-ЕЕЕН!

– Нет, нет, нет! – шептал Бен в своём укрытии, и Бетти его понимала. Лидия любила всех, с кем ей доводилось сталкиваться за её пока ещё недолгую жизнь, – никто из Пендервиков до неё не пылал подобной любовью к человечеству, – но больше всех на свете она любила Бена. Ни один нормальный мальчик не выдержит бремя такой любви.

И, кстати, совершенно необязательно, чтобы всё всегда выходило по-Лидииному. Поэтому Бетти покачала окну головой и сказала:

– Бен занят. А ты ложись и спи дальше.

– Лидия не... – Но на «не» пирамида из игрушек рухнула, и Лидия исчезла.

– Ну что, улеглась? – спросил Бен.

– Кажется. Но посиди ещё минутку, она может ещё высунуться.

Лидия была последним прибавлением в семье, с ней общая численность Пендервиков достигла восьми. Всю первую половину Беттиной жизни их было пятеро: папа, Бетти и три её старшие сестры – Розалинда, Скай и Джейн. Пять было хорошее число, в самый раз. Потом мистер Пендервик женился на Ианте, маме Бена, и их стало семь – это оказалось даже ещё лучшее число, чем пять, потому что все сразу же полюбили Бена с Иантой. И вот теперь их восемь, но восемь – это уже многовато. Особенно если восьмая – Лидия.

Бетти ещё раз оглянулась на окно. В окне было пусто, что могло означать одно из двух: либо Лидия решила доспать оставшиеся пятнадцать минут, либо она возводит свою пирамиду заново. Пару раз Бетти доводилось наблюдать за процессом, он был долгий и сложный.

– Пока не видно, – сообщила она Бену.

– Тогда пойдём, покажу, что я нашёл!

Вернувшись к месту раскопок, Бен поковырял лопаткой и поддел что-то плоское, грязное и проржавелое – металлическое. Это была первая за сегодня находка не из разряда камней. Кое-что некаменное откапывалось и раньше, но пока ничего ценного – так, щербатый аптечный пузырёк, какие-то пластмассовые осколки да связка ключей, из которых ни один ни к чему не подходил. Но Бен всё же не терял надежду отыскать сокровище.

– Старая дверная петля, – сказала Бетти. – Она точно не золотая.

– Ар-р-р.

– И вообще, откуда в западном Массачусетсе золото, кто его тут будет тебе зарывать – пираты? У нас даже моря нет.

– Знаю. – Он опять воткнул лопатку в землю. – Ну необязательно пираты. Может, банкиры. И необязательно золото. Бывают бриллианты, или ещё бывают ценные закладные привилегированные облигации.

Насчет ценных закладных привилегированных облигаций Бетти сомневалась, что они бывают. Скорее всего, Бен их выдумал. А хоть бы и нет – всё равно во дворе у Пендервиков им неоткуда взяться. Вот чего тут предостаточно, так это камней – удачно, что Бен их так любит. И ещё грязи, в которой он уже вывозился весь.

– Откуда у тебя земля в голове? – Рукавом курточки Бетти попыталась стереть серо-бурую присыпку с Беновых волос – таких же ярко-рыжих, как у Лидии.

– Перестань, – сказал Бен.

Она ещё раз потёрла его макушку рукавом, потом проверила, не появилась ли в окне Лидия, и пошла дальше утаптывать сугроб.

Бетти, конечно, понимала, почему Бену так хочется найти вместо камней сокровище. Не то чтобы у Пендервиков совсем не было денег, но в последнее время их, кажется, стало меньше. Если семь человек в доме как-то помещались, хотя и с трудом, то с появлением Лидии пришлось кое-что пристраивать и перестраивать – это дорого. А потом пришлось

перекрывать крышу. А дальше надо будет много лет подряд платить за обучение в университетах. Старшая сестра, Розалинда, уже уехала учиться, в следующем году уезжает Скай, а ещё через год – Джейн. И это не считая расходов на еду, которые у них непомерные – так сказал однажды мистер Пендервик, думая, что никто из детей не слышит. Точнее, он сказал не «непомерные», а *immoderatae*, а Бетти уже потом сама посмотрела в латинском словаре, что это значит. Все дети в семье знали с малых лет: если папа говорит что-то странное, значит, он, скорее всего, перескочил на латынь. Чтобы лучше его понимать, Розалинда в старших классах даже записалась на латинский язык, но после неё до таких крайностей никто больше не доходил.

Операция по снегоочистке продвигалась неплохо. От снежной каши на поверхности уже практически ничего не осталось, теперь Бетти работала над более плотными нижними слоями. Выяснилось, что растаптывать эти нижние мёрзлые слои не так просто, и Бетти стала тыкать в снег палкой, но палка сломалась, наткнувшись на что-то твёрдое. На миг Бетти даже привиделось золото – целая куча золота, которая покроет самые непомерные расходы на еду. Но видение мелькнуло и исчезло. О сокровищах пускай грезят второклассники. А пятиклассница и так понимает: камень это, что же ещё. Она нашла другую палку и продолжила разгребать снег. Под снегом оказались мёрзлые палые листья. Она потыкала их, откинула в сторону и...

Это был не камень. А собачья игрушка – резиновая кость, которую бросили тут несколько месяцев назад. Потом её занесло листьями, потом снегом. Просто старая резиновая кость. Но Бетти уже сжалась и приготавилась к тому, что сейчас будет: как у неё зашумит в ушах, кольнёт в животе, и в мире не останется ни одного цвета. Вот уже: нежно-голубое весеннее небо, жёлтые кусты форзиции, даже сияюще-рыжая Бенова голова – всё тускло, серо и безрадостно.

Бетти сунула кость в карман и попинала листья – они легли на место. А потом попинала снег, чтобы всё выглядело как раньше. Наступит ли весна сейчас или потом – ей теперь всё равно, главное добежать до своей комнаты, где можно побыть одной.

– Бен, – сказала она, – я домой.

– Подожди! Тут такой классный камень. – Он увлечённо копал.

– Потом покажешь. – Проходя мимо, она отвернула лицо, и Бен не увидел, как старательно она щурится, чтобы слёзы удержались и не пролились слишком рано.

Дома была только семнадцатилетняя Скай: её очередь следить, чтобы младшие, особенно Лидия, не нанесли себе и друг другу никаких увечий. Вот и хорошо, Скай вряд ли захочет выяснять, что стряслось и что там за переживания у этих младших. И тем более не захочет, если это Беттины переживания, – ну или Бетти так казалось. Почему так, она не знала, но так было всегда.

Войдя в дом, Бетти на всякий случай задержалась на кухне и попыталась определить, где именно находится Скай. Это было нетрудно.

– То есть нет, нет, случайная переменная x дискретна!

Бетти приоткрыла дверь и заглянула в столовую: так и есть, Скай сидит за большим столом, одной рукой печатает что-то на компьютере, другой тянет себя за светлую прядь. Скай была единственным светловолосым пятном в их семье, у прочих Пендервиков волосы были или рыжие (Ианта, Бен, Лидия), или тёмные (все остальные). Кое-кто считал, что Скай могла бы обращаться со своими светло-золотистыми прядями и бережнее, вот только сама Скай так не считала. Она стригла их коротко, а когда задумывалась, яростно дёргала и тянула во все стороны, так что спустя некоторое время вид у неё становился такой, будто её зашвырнуло сюда ураганом. Для близких Скай состояние её волос служило полезным барометром: чем круче завихрения, тем глубже она, стало быть, погружена в себя. Сейчас её светлые прядки щетинились и топорщились в тринадцать разных сторон, так что можно было не беспокоиться. И Бетти, всё ещё удерживая слёзы внутри, проскользнула незамеченной через столовую к лестнице.

Внизу и наверху лестницы были установлены решётчатые воротца, призванные оградить Лидию от лишних приключений, – в обиходе «анти-Лидии». С анти-Лидиями Бетти справилась легко, на пути осталось всего одно препятствие –

сама Лидия, у которой слух был острый, как у пантеры. Тихо, на цыпочках, Бетти прокралась по коридору мимо комнаты Лидии – обошлось без происшествий, – и вот наконец Беттина собственная комната, и в ней её прибежище, её спасение – кладовка. Распахнув дверь, Бетти стала пробираться вглубь – между мягкими игрушками, между коробками с пазлами и настольными играми, между пластмассовыми ведёрками морских ракушек, и ещё дальше, ещё глубже, пока не нашла, что искала: холщовую сумку на молнии с надписью «*Ветеринарная клиника ДОЛИНА*».

На всякий случай в кладовке у Бетти был фонарь, но он ей был сейчас не нужен, она и так знала, *что* в этой сумке. Старый потёртый собачий ошейник с бирками, погрызенный теннисный мяч, клочок жёсткой чёрной шерсти, колечком уложенной в маленькую таблетницу. Сейчас ко всему этому добавится резиновая кость, которую Бетти нашла под снегом и прошлогодними листьями. Она аккуратно вытерла кость одиноким носком и, задержав дыхание, опустила её в холщовую сумку. Вот теперь всё. Всё, что осталось от большого чёрного глупого любящего недотёпы по имени Пёс Пендервик – самого лучшего пса на свете.

Бетти обняла сумку, притянула к себе колени и перестала удерживать слёзы. Папа обещал, что эта боль, это горькое сиротливое чувство потом пройдёт, но Пса не было уже полгода, а Бетти по-прежнему не могла понять, как ей жить в этом мире без него. Пёс был самым первым её воспомина-

нием. А сколько раз ей рассказывали, как он её удочерил, когда её, крошечный свёрток, принесли из больницы. Мама только что умерла от рака, горе – папино и старших сестёр – было как открытая рана, и тогда Пёс, сам почти ещё щенок, смешной и бестолковый, решил, что он станет лучшим другом Бетти и её законным защитником – и стал им, и оставался год за годом, пока они вместе росли, – какие это были счастливые годы! А прошлой осенью его сердце вдруг перестало работать нормально. В ветеринарной клинике сказали, что теперь надо просто заботиться о нём и любить, и Бетти любила, и любила, и любила его, но этого всё равно оказалось недостаточно. Никто из родных никогда не говорил ей, что она виновата в смерти Пса, но она и сама это знала. Она должна была его уберечь, должна была сделать так, чтобы он не ушёл.

Всё лицо Бетти было уже мокро от слёз. Она пошарила рукой по полу в надежде отыскать ещё какой-нибудь носок, который сгодился бы в качестве платка, но вместо носка нащупала хвост, на другом конце которого находился крупный ярко-рыжий, практически оранжевый кот. Хвост недовольно выдернулся.

– Прости, Азимов, – сказала Бетти. – Я не знала, что ты здесь.

Азимов не спешил с прощением. Как единственный кот Пендервиков, он считал себя слишком значительной персоной, чтобы его можно было не заметить. Поэтому сначала

он выдержал паузу и лишь потом, достаивая Бетти великой чести, привалился тёплым боком к её ноге. Бетти, конечно, знала, что он может бросить её в любую секунду, умчавшись на дальний вжик консервного ножа, но всё-таки она позволила себе чуточку утешиться, и то ужасное серое чуточку приподнялось.

– Прости, что я не сумела сохранить Пса. Я знаю, ты тоже по нему скучаешь, – сказала Бетти.

Это было очень великодушно с её стороны. Азимов жил настоящим моментом, как буддист, не думая об ушедших и умерших. Впрочем, пока Пёс был жив, Азимов его любил – ну то есть насколько коты вообще могут любить.

– И я знаю, что ты тоже не готов к новой собаке.

Азимов посмотрел на неё сощуренными глазами, в которых ясно прочитывалось: поменьше говори, побольше чеши за ухом. Бетти вздохнула, почесала его за ухом и ещё сильнее затосковала по Псу. Как он всегда понимал каждое её слово. Папа с Иантой пообещали не заводить новую собаку, пока Бетти не поймёт, что она готова. Но разве она когда-нибудь сможет быть к этому готова? И как можно доверить ей собаку – опять? Ей и Азимова-то теперь нельзя доверить – но он по крайней мере не её собственный кот, его кормит и заботится о нём вся семья, вот и пусть все заботятся, чтобы ему было хорошо.

Ну вот, уже – в кладовку прорвались вопли из Лидииной комнаты: «БЕН, БЕН, БЕ-Е-ЕЕН!» Бетти сколько могла за-

жимала уши в слабой надежде, что Скай отвлечётся от своего компьютера. Но вопли уже достигали такой силы, что терпеть их дальше стало невозможно.

Бетти выползла из кладовки и отправилась разбираться. Пока она шла по коридору, вопли прекратились, но теперь из комнаты Лидии доносилось какое-то подозрительное кряхтение. Войдя, Бетти застала сестрёнку посреди попытки к бегству. Лидия, как начинающая балерина у станка, стояла, задрав одну ногу на загородку кровати и балансируя на качающемся пьедестале из игрушек.

– Я всё вижу, – сказала Бетти.

Лидия медленно опустила задранную ногу и не спеша сошла со своего игрушечного пьедестала обратно в кровать с таким видом, будто она ровно это и собиралась сделать. Приняв снова устойчивое положение, она качнула головой вперёд-назад, и рыжее облако её волос приглашающе колыхнулось.

– Рапунцель, Рапунцель, – сказала она.

– Никакая не Рапунцель, – сурово ответила Бетти. Этот разговор происходил у них уже десятки раз.

Лидия рухнула в кровать и закрыла глаза.

– Белоснежка умерла. Принц, поцелуй Белоснежку!

– И никакой не принц. Хочешь, чтобы тебя взяли из кровати, – вставай и будь американской девочкой.

– Белоснежка грустная.

– Я тебя не слышу.

Пока Белоснежка упорствовала, Бетти огляделась. Раньше, до перестройки дома, она сама жила в этой комнатке. Нет, она, конечно, любит и новую свою комнату, но всё равно больно смотреть, до чего докатилась старая. Все эти рюшечки с оборочками, всякая принцессинская ерунда. Даже когда Бетти было столько лет, сколько сейчас Лидии, не было здесь никаких таких глупостей. Только мягкие игрушечные звери – и Пёс. Хорошо ещё, что потолок на месте. Когда Ианта вышла замуж за папу, это было первое или почти первое, что она сделала: прилепила на потолок в Беттиной комнате светящиеся в темноте звёзды, так что получилось настоящее созвездие, *Canis Major* – Большой Пёс, и потом ещё нарисовала вокруг звёзд силуэт собаки, и эта собака была похожа на Пса. Это чтобы он всегда присматривал за Бетти, говорила Ианта. А теперь он всегда будет присматривать за Лидией, думала Бетти. Но эти рюшечки-оборочки ему бы тоже не понравились.

– Не Белоснежка?

– Не-а.

Потеряв надежду, Лидия встала.

– Теперь цепляйся за меня, чтобы я могла тебя вытащить.

Лидия, давай, помогай мне, ногами тоже.

Когда тебе нет ещё одиннадцати и роста и веса в тебе немного, кажется, что младенец, которого ты вытаскиваешь из кровати, – свинцовый. Но Лидиины ручки и ножки честно обвилились вокруг Бетти, и с этой частью сёстры более или

менее справились. Однако это было только начало: едва коснувшись пола, Лидия бросилась в угол, к игрушкам и цапнула с полки свою золотую корону. Бетти метнулась вслед. Последовала короткая сестринская борьба, чем-то напоминающая перетягивание каната. Победила Лидия: она вцепилась в корону намертво.

– Ну и пожалуйста, раз ты без неё не можешь, – сдалась Бетти. – Но хотя бы не говори *всё время* о принцессах.

Оп – и корона уже на голове. Эту корону подарила Лидии тётя Клер, самая любимая из всех родственников Пендервиков, – которая, между прочим, могла бы и подумать, что и кому она дарит. И которая *всегда*, всё детство сестёр Пендервик в их первоначальном составе, думала гораздо лучше. Но с тех пор у неё и её мужа Туррона родились близнецы Марти и Энам, и под напором их жизнелюбия и энергии здравый смысл их мамы, кажется, слегка пошатнулся. Ладно бы одна только корона. Но в последнее время в доме начали появляться ещё и балетные пачки. Мистер Пендервик грозился в отместку послать Энаму и Марти набор барабанов, но Ианте пока удавалось его удерживать.

Впрочем, не из короны же с пачками появляется принцессомания, скорее наоборот, так что нечего, считала Бетти, возводить на тётю Клер напраслину. И вообще принцесса в доме – это не смертельно, Бетти это понимала, но, как самая старшая из младших Пендервиков, чувствовала ответственность за честь и достоинство всех троих. У Бена, например,

и кроме копания камней полно всяких талантов. Сама Бетти собирается стать профессиональной пианисткой – а Лидия что? Непонятно. Пока что она тянет назад всю команду.

– *Ля-ля, ля-ля-ля, це-луй, по-це-луй!* – пропела Лидия.

– И никаких поцелуев, – сказала Бетти. – Где твои туфельки?

Лидия нашла их под раскинувшейся в углу балетной пачкой и принесла Бетти.

– Лидия гулять? – спросила она, подавая для обувания сначала одну ножку, потом другую.

– Да, гулять. Посмотрим, не наступила ли там весна.

Глава вторая

Убиенное авто

Держась за руки, Бетти и Лидия сошли по ступенькам крыльца. Солнце грело по-весеннему. На другой стороне улицы Гардем в окружении лиловых гиацинтов и белых крокусов горделиво сиял первый золотисто-жёлтый нарцисс миссис Гейгер. Но пока что Лидию заинтересовала стоявшая на подъездной дорожке Пендервиков семейная машина, в которой на водительском месте сидела ещё одна Лидиина старшая сестра – не самая старшая, а третья по старшинству, – шестнадцатилетняя Джейн. Джейн читала книгу, разложив её на руле, как на пюпитре.

Лидия побежала к машине, держа обеими руками корону,

чтобы не слетала.

– Белоснежка умерла, – крикнула она Джейн.

– Сейчас принц оживит её своими поцелуями! – Распахнув водительскую дверцу, Джейн усадила Лидию к себе на колени и принялась осыпать поцелуями.

– Мы же договорились не идти у неё на поводу, – сказала Бетти.

– Да, прости, – ответила Джейн, завершая последнюю серию принцевых поцелуев.

На пассажирском сиденье рядом с ней высилась башня из книг: одна книжка, только что дочитанная, и ещё десяток-полтора на потом. Джейн надеялась когда-нибудь стать писательницей и считала, что лучший способ научиться писать – это читать, читать и читать. Поэтому всегда, в любой отдельно взятый момент, она находилась на середине как минимум одной книги и чувствовала себя спокойно, только если под рукой у неё лежало ещё несколько штук про запас. Между книгами затесалась и её голубая тетрадка – Джейн всегда покупала одинаковые голубые тетрадки, в которые вписывала мысли, случайно услышанные обрывки разговоров – всё, что могло ей пригодиться для будущих книг. Наверное, думала Бетти, у Джейн накопилось уже несколько десятков таких исписанных голубых тетрадок; все они хранились в коробках у неё под кроватью.

Лидия ткнула пальчиком в верхнюю книгу башни:

– Лидия читать.

– Тут по-французски, – сказала Джейн. – Ты не поймёшь. Даже я не всё понимаю: приходится через слово смотреть в словаре.

– *Oui*. – Лидия перехватила у Джейн несколько французских слов и очень собой гордилась.

– Ладно, только немножко. Эту книгу написал Дюма, в ней буря безнадежных страстей, жажда мести и... – Джейн запнулась. – Ладно, про это тебе, наверное, ещё рано. Просто слушай. «*Une belle jeune fille aux cheveux noirs comme le jais, aux yeux veloutés comme ceux de la gazelle...*»¹

Непонятные слова пролетали мимо Бетти, не задерживаясь. Жить было бы проще, думала она про себя, если бы Скай и Джейн последовали примеру папы и Розалинды и записались в школе на латынь. Скай в седьмом классе даже начинала заниматься латынью, но скоро устала от сравнения с Розалиндой (любимой, между прочим, ученицы мистера Смита за все годы! Так что сравнение неизменно оказывалось не в пользу Скай) и переключилась на испанский. А Джейн даже и не пыталась – просто выбрала сразу французский, потому что это «романтично». Лидия повторяла любые слова – латинские, французские, испанские, ей было всё равно. Бетти же такое многоязычие, наоборот, только огорчало. Она наде-

---

¹ Если бы Джейн умела не только читать, но и переводить с французского, она бы, скорее всего, перевела это так: «Юная красавица с чёрными, как смоль, волосами и бархатными, как у газели, глазами...» И некоторые читатели, скорее всего, сразу бы догадались, что она читает Лидии роман Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». (Здесь и далее примечания переводчика.)

ялась, что ей вообще удастся как-нибудь избежать изучения языков – кроме разве что итальянского, потому что в нотах всё самое важное всегда подписано по-итальянски.

Но тут Лидия, которой наскучило слушать Дюма, пнула книжную башню тувелькой, и книги рассыпались. Когда Джейн прервала чтение, чтобы снова построить башню, Бетти спросила, зачем она сидит в машине – это вообще-то не самое удобное место для чтения.

– Просто у меня передышка. Мне показалось, был какой-то странный звук, и я подумала: вдруг он пройдёт, если я дам машине постоять спокойно. О, давай ты заберёшь Лидию, а я опять попробую немножко проехать – и ты скажешь мне, есть звук или нет. Может, это просто моя фантазия.

«Фантазия» прозвучала подозрительно оптимистично. Машина была дряхлая и побитая – не сильно, но многократно, – и ещё одна поломка вполне могла стать её лебединой песней.

Бетти услышала этот звук, как только машина задним ходом покатила по дорожке. Точнее, даже три звука – сначала визг и стон, а потом тук.

– Слышу! – крикнула она Джейн.

– Точно? Подожди, я попробую проехать вперёд.

На переднем ходу звук был такой же, как на заднем, это даже Лидия сказала. Но Джейн всё равно проехала ещё несколько раз взад-вперёд: видимо, всё-таки надеялась, что сёстры согласятся признать странный звук её фантазией, –

или, может, ему самому надоест и он станет тише.

– Стало громче, – сказала Бетти.

Точнее, стало так громко, что Бен на заднем дворе даже бросил откапывать сокровища и пришёл посмотреть, что тут такое. За то время, пока Бетти его не видела, он ещё больше перепачкался, хотя казалось, что больше уже некуда.

– Бен, Бен, Бен! – Лидия выворачивалась, но Бетти держала крепко и не пускала её к Бену. Хватит и одного чумазого Пендервика.

– Что это Джейн делает? – спросил Бен.

– Надеется, что звуки прекратятся.

ТУК! Из всех туков этот был самый громкий, но горестный вскрик Джейн был ещё громче.

– Теперь вообще не едет! – Она дёргала рычаги и жала педали, но машина не двигалась – ни вперёд, ни назад.

– Зато не стучит, – заметил Бен.

– Не уверена, что это хорошо... – Джейн нахмурилась. – Давай позовём Скай.

Бен отправился выдёргивать Скай из мира математики. Скай вышла из дома, щурясь на солнце, села вместо Джейн за руль и тоже подёргала и понажимала всё что можно. Машина стояла как вкопанная.

– Я её доломала, да? – сказала Джейн. – Убиенное авто.

– Как минимум тяжело раненное. – Скай выбралась из машины и заглянула под капот. Все заглянули вместе с ней, но никаких явно отломанных деталей там не увидели.

– По-моему, звук был откуда-то снизу, – сказала Бетти.

– Может, палка? – предположил Бен. Однажды Рафаэль, его лучший друг, ехал с родителями, и в брюхе машины застряла палка. Бен втайне надеялся, что и ему доведётся увидеть застрявшую в брюхе палку собственными глазами.

– Вряд ли. – Но Скай всё-таки полезла под машину, и все остальные тоже, включая Лидию, которая решила, что это такая игра специально для неё.

– Белоснежка умерла, – сообщила она, радостно извиваясь под днищем авто. – Лидия любит Скай.

– Вот только не втягивай меня в эти твои принцессинские штучки, – сказала Скай. – Я лучше расскажу тебе про телескопы: в них видны звёзды, которые были почти с самого начала Вселенной. Это гораздо интереснее принцесс.

– Корона! – вскрикнула Лидия.

– Она бы не свалилась, если ты так не елозила. – Бетти подобрала корону и нацепила обратно на Лидию ярко-рыжую гриву.

– Скай, так что будем делать с машиной? – спросила Джейн.

– Да, палки нет, – закончив осмотр, сказал Бен.

Скай вздохнула.

– Кажется, пора звонить папе – говорить ему, что у нас проблема.

И она позвонила мистеру Пендервику, а тот позвонил на станцию техобслуживания Эрни, и там сказали, что сейчас

пришлют помощь.

Пока огромный мощный красный тягач с широкими ремнями и звякающими цепями урчал на подъездной дорожке Пендервиков и к нему цепляли и пристёгивали заглохшее авто, все заинтересованно следили за процессом, не думая о последствиях. Но потом тягач уехал, и мысли как-то сами собой обратились к вопросу: а что дальше? В семье было ещё одно транспортное средство, старый неказистый драндулет по имени Ван Аллен², но было очевидно, что его не хватит, чтобы развозить столько людей в самых разных направлениях и в разное время. Если окажется, что машина и правда умерла, придётся покупать другую.

– А машины дорогие? – спросил Бен у Бетти.

– Наверное.

Он перевёл задумчивый взгляд на Лидию.

– Может, попробуем сдавать её напрокат бездетным семьям? За деньги.

– Но если мы будем сдавать Лидию, то это же будут её деньги. Она захочет купить себе ещё короны и пачки.

– Лидия, если ты заработаешь деньги, отдашь их мне? – спросил Бен.

– *Sí*, – легко согласилась Лидия.

---

² Наверное, не много найдётся семейных драндулетов, названных в честь знаменитых американских астрофизиков. А Джеймс Ван Аллен, открывший радиационные пояса Земли, – как раз один из самых знаменитых.

– Ну вот. А я отдам их папе с мамой. Как думаете, они разрешат?..

Вообще-то у Пендервиков не принято было сдавать детей напрокат, поэтому Бен даже не стал дожидаться ответа, а пошёл обратно во двор – искать клад. Лидия нацелилась бежать за ним, но Бетти поймала её и увела на крыльцо, откуда особенно удобно следить за наступлением весны, а ближе к вечеру – к нему было уже совсем близко – можно сидеть на ступеньке и дожидаться возвращения родителей.

– Лидия, видишь, у миссис Гейгер расцвёл первый нарцисс, – сказала Бетти, указывая на ту сторону улицы.

– Лиловый, – отозвалась Лидия.

– Нет, лиловый – это гиацинт, а нарцисс – жёлтый.

– Лидия любит лиловый. Цина тоже.

Мнение Цины, одной из подружек Лидии в детском саду, всегда приводилось как неоспоримое. Ладно, подумала Бетти, лиловый так лиловый.

Сверху слышалось знакомое многоголосие. Бетти отклонилась назад посмотреть – да, прямо над ними пролетал клин канадских гусей. Может, они летят откуда-то с юга. А может, это те гуси, которые круглый год живут в Массачусетсе, – когда в одном месте еда заканчивается, они перелетают в другое. Бетти всегда так радовалась их глубоким, как гудки, крикам. И Пёс тоже. Они вдвоём мчали через двор, стараясь не отставать от больших птиц, которые неслись в вышине вместе с ветром, а после, когда птиц было уже не

видно, Бетти изображала их крики: «ахау-у-у... хау-у-у...», а Пёс лизал ей лицо...

– Голди положила Фрэнка в коробку, – сказала Лидия. Бетти вернулась в настоящее.

– М-м?

– Голди положила Фрэнка в коробку.

Голди – хозяйка детского сада, куда ходит Лидия, с ней понятно. Но кто такой Фрэнк и зачем Голди положила его в коробку? Странно.

Бетти давно усвоила, что задавать Лидии прямые вопросы – дело неблагоприятное, ответа всё равно не добьёшься. Лучше идти в обход, тогда есть шанс к чему-то прийти.

– Какая была коробка? – спросила она.

Лидия хорошо подумала.

– Голубая.

– Ему понравилось в ней лежать?

Это оказался неправильный вопрос. Нижняя губа Лидии задрожала, и Бетти – уже не в первый раз – подумала, что лучше бы Лидия совсем не разговаривала, помолчала бы лет до пяти-шести, пока не научится говорить осмысленно. Ну вот, теперь она плачет.

– Прости, – беспомощно сказала Бетти. – Я не знаю, кто такой Фрэнк.

– Он умер, а Голди положила его в *коробку*, а Лидии не дали его поцеловать.

Во всяком случае есть надежда, что Фрэнк – это не кто-

то из детсадовских детей. Бетти стала припоминать клички всех животных из детского сада: мадагаскарский шипящий таракан Леон, и хомяк Сардель, и – ох, ну вот же!.. – морская свинка Фрэнсис, он же Фрэнк. Да, всё правильно, Лидия говорила, что она очень любит Фрэнка. Особенно по сравнению с Леоном.

– Я понимаю, как тебе сейчас грустно, но всё равно морских свинок не надо целовать, даже когда они живые. – Бетти усадила рыдающую Лидию к себе на колени. – Лучше давай я тебе спою.

Никто из Пендервигов, кроме Бетти, пением не увлекался. Не то чтобы остальные Пендервики не желали петь – как раз желали; только они не очень хорошо попадали в ноты, и из-за этого их пение, – как сказал однажды мистер Пендервик, после того как они хором пели кому-то поздравительную песенку на день рождения, – напоминало бляение унылых овец.

Зато Бетти не только попадала в ноты, её пение вообще не походило на бляение овцы, даже неунылой, – поэтому Бетти часто пела Лидии. И им обоим это нравилось. Сегодня она начала с одной из самых любимых Лидииных песен, «Качаться на звезде»³ – там много лунного света и смешной ушастый мул, – и рыдания скоро пошли на убыль. Но Бетти забы-

---

³ Песня *Swinging on a Star* впервые прозвучала в 1944 году, но американцы, дети и взрослые, знают и любят её до сих пор. Может, это потому, что первым её спел лёгкий и ироничный Бинг Кросби, один из самых ярких исполнителей середины XX века?

ла, что в следующем куплете вместо мула появляется свинка – и конечно же, Лидия вспомнила своего Фрэнка, который тоже был свинка, хотя и морская, и зарыдала пуще прежнего. Бетти сразу переключилась на другую Лидию любимую – «Арам-зам-зам»⁴. Но рыдания Лидии уже зажили своей собственной жизнью, и даже забавные *гули-гули-гули*, когда надо очень быстро крутить перед собой руками, не помогли.

Словом, когда спустя несколько минут к дому Пендервиков свернул старенький Ван Аллен, это было как нельзя кстати.

– Лидия, смотри, мама приехала! – сказала Бетти. – Наконец-то, правда?

Лидия и сама так думала – она очень надеялась, что мама поможет ей оплакивать Фрэнка, и скорбно тянула руки ей навстречу.

– Кризис? – спросила Ианта у Бетти. – Требуется помощь?
– Вообще-то да. Очень!

Ианта была спокойная мама и не очень верила в ахи и охи. Она с улыбкой подошла к девочкам, обняла Бетти, подхватила Лидию на руки – каким-то образом ей удалось сделать то и другое одновременно. Пока Лидия всхлипывала в одно Иантино ухо про коробки и поцелуи, Бетти, в другое, пыталась более или менее последовательно изложить историю умершей морской свинки. Ианта умела слушать разных лю-

---

⁴ Марокканскую песенку *A Ram Sam Sam* поют (причём по-арабски) и танцуют малыши во всех странах мира.

дей, даже если они говорили все одновременно, и не упустить главное – это был один из её многочисленных талантов. Сама она объясняла это тем, что она учёный, притом астрофизик, и ей постоянно приходится выслушивать противоположные точки зрения. Но Бетти не была уверена, что в этом всё дело. Скай тоже собиралась стать астрофизиком, но она и одного-то человека не всегда слышит. Может, конечно, она научится этому в следующем году, когда поступит в университет.

– Я рада, что она не поцеловала Фрэнка, – сказала Ианта, дослушав рассказ Бетти до конца. – Иначе мне пришлось бы садиться и писать Голди записку о микробах – а это не самое моё любимое вечернее занятие... А у тебя как прошёл день, Бетти?

– Хорошо. – Не считая того, что она нашла старую кость Пса. Но об этом Бетти не собиралась никому рассказывать.

Тут всхлипы сделались в два раза громче: оказывается, Лидия сквозь слёзы услышала вместо «вечернее» – «черви», а Джорди, её друг в детском саду, сказал сегодня, что черви едят мёртвых морских свинок. В конце концов Ианта понесла Лидию на кухню – утешить каким-нибудь лакомством.

Солнце уже скрылось, на крыльцо напозла тень. Бетти быстро продрогла, но осталась сидеть на ступеньке: она ждала. Папино возвращение домой – единственное время, пусть и короткое, несколько минут, когда она может спокойно с ним поговорить, ни с кем его не деля. Для тепла Бетти нача-

ла напевать прелюдию Баха, которую она разучивала к сегодняшнему занятию, и пальцы тут же забегали по воображаемым клавишам.

Ждать пришлось недолго: Бах ещё не кончился, а папа уже приехал. Сегодня его подвёз коллега – тоже, как и мистер Пендервик, профессор ботаники, только с несломанной машиной. Подбежав, Бетти помогла папе вытащить с заднего сиденья большую сумку-холодильник с образцами собранных растений. Мистер Пендервик, как его дочь прекрасно знала, чувствовал себя по-настоящему счастливым только «в поле» – то есть тогда, когда работал с живыми растениями, а не когда рассказывал о них студентам на лекции.

– Привет тебе, одна из моих многочисленных дочерей. Ты которая?

– Самая лучшая, – ответила Бетти. Это была одна из их любимых шуток. – Очки, пап!

– Оп. – Он подхватил очки, зацепившиеся за ручку холодильника и опасно болтавшиеся на одной дужке, и сунул в карман.

– А не проще их на себя надеть?

– Теоретически – да, – бодро ответил он.

Вдвоём они донесли сумку-холодильник до крыльца и откинули крышку, чтобы Бетти могла полюбоваться отростками и побегами, аккуратно отстриженными от материнских растений и разложенными по прозрачным пакетам. На каждом пакете было подписано точное место произрастания,

с указанием широты и долготы. Иногда мистер Пендервик разрешал Бетти и Бену играть с портативным GPS, которым он пользовался для определения координат, поэтому его дети давно выучили точное местоположение своего дома: $42,320529^\circ$ северной широты, $-72,632236^\circ$ западной долготы. Бен охотно приводил эти данные вместо своего домашнего адреса – улица Гардем, город Камерон, штат Массачусетс, – правда, Бетти говорила, что кое-кому хорошо бы поменьше воображать.

– Что за растение? – спросила она, указывая на прутик с мелкими цветками в виде свисающих белых колокольчиков.

– *Chamaedaphne calyculata*, хамедафна прицветничковая. Она же хамедафна обыкновенная, или болотный мирт – но это уже не так эффектно звучит, правда? Листья ядовиты. Хотя кролики, по некоторым данным, их едят.

– Не хочу, чтобы кролики отравились.

– Я тоже. Но вообще-то они сами о себе неплохо заботятся. – Он вернул крышку на место. – А у тебя какие новости?

– Ну вот, машина. Как думаешь, её можно будет починить?

– Боюсь, нет. Эрни её уже осмотрел и сказал, что он трупами не занимается.

– Ну пап!

– Что «ну пап»? Дочь, машины – не твоя забота. Ещё что нового?

– Бен нашёл дверную петлю, но она оказалась не золотая.

А Лидия расстроилась, потому что морская свинка Фрэнк умер, а ей не дали его оживить дыханием рот-в-рот.

– Бетти, это про остальных. А я спрашиваю о тебе. Сегодня четверг – значит, вечером у тебя занятие по фортепиано. Готова?

– Конечно.

Ко всему, что связано с музыкой, Бетти всегда была готова, это папа и так знал. Прелюдию и фугу № 9 ми мажор Баха она успела повторить от начала до конца столько раз, что без запинки отыграла бы их и во сне.

– А как твоя домашка поживает?

Домашка явно поживала скромнее прелюдии с фугой. Сначала Бетти даже не могла ответить, задали им что-то или нет.

– Надо выучить разные виды облаков, – вспомнила она наконец.

– О, это легко, сейчас я тебе помогу. Кучевые облака – большие, белые и пушистые, во всём мире используется их латинское название – *cumulus*, это значит «куча» или «груда». Перистые – лёгкие, тонкие, вытянутые, на латыни они называются *cirrus* – значит «локон, завиток». Логично же?

– Ой, нет, мне так ещё больше придётся запоминать.

Но мистер Пендервик не мог упустить такую замечательную возможность поговорить на своей любимой латыни.

– Бывают дождевые облака, *nimbus*, что в переводе означает «ливень, ненастье». А бывают слоистые, *stratus*...

– Нет, молчи, так только хуже! – Бетти зажала уши руками.

– Ладно, – рассмеялся он, – сдаюсь! Что дома, Пендервики все на месте?

– Кроме Розалинды, конечно.

– Сколько там ещё до её каникул?

Начиная с февраля, когда Розалинда в прошлый раз была дома, Бетти вела счёт дней, оставшихся до следующего приезда сестры. Университет находился не так уж далеко, в штате Род-Айленд, меньше двух часов от Камерона, и Розалинда приезжала на все праздники и каникулы, но Пендервикам, особенно Бетти, этого всё равно было мало.

– Три недели и два дня. Двадцать три дня.

Это легко запомнить: Розалинда вернётся как раз накануне Беттиного дня рождения – в этом году Бетти исполнится одиннадцать.

– Хорошо, уже ближе. – Папа поднял сумку-холодильник. – Ну, я готов влиться в орду, а ты?

– И я, – ответила Бетти, и они вместе вошли в дом.

Глава третья

Камни и музыка

Бен гордился, что справляется с вечерним купанием самостоятельно – от наполнения ванны и до самого последнего ополаскивания. Это была его новая, недавно обретенная обязанность, Бен очень ею дорожил. Его лучший друг Рафаэль, которому пока не доверяли наполнять ванну (особенно после одного наводнения), сильно ему завидовал и не раз пытался уговорить свою маму последовать примеру старших Пендервиков.

И если уж Бен достаточно повзрослел, чтобы принимать ванну в одиночестве, он вправе рассчитывать на то, что это одиночество никто не нарушит. Например, Лидия, которая

вообще-то не должна бродить без присмотра по дому, вот только с некоторых пор она научилась незаметно ускользать из-под любого присмотра. Папа в шутку называл Лидию Мастером Художественного Побега и предрекал, что однажды она непременно попробует себя в искусстве ограбления банков. Но Бена эти шутки не очень развлекали, тем более когда он находился в ванной, не запиравшейся изнутри.

Поэтому он разработал систему раннего оповещения: заходя в ванную, он снимал с крючка вешалку и прислонял её наклонно к двери. Раннее оповещение было особенно важно, когда Бену было что скрывать не только от Лидии, но и от тех, кому не нравилось, что он берёт с собой в ванну камни, – то есть практически от всей семьи.

Этим вечером, настроив систему оповещения и затолкав всё снятое с себя в корзину для грязного белья, он переступил бортик ванны, бережно держа перед собой камень – тот самый, сегодняшней. Камень таил в себе множество волнуемых возможностей. Он был беловато-серый с тёмными, почти чёрными вкраплениями и округлый, как большое яйцо. Бен почистил его зубной щёткой, которую он держал специально для камней, и промыл под краном, поворачивая всеми боками к струе. А вдруг, думал он, ну вот вдруг раньше это было настоящее яйцо? Рафаэль говорил, что окаменелые яйца динозавра находят в Монголии – но это же не значит, что их не может быть и в Массачусетсе? Динозавры ведь бродили когда-то и по Массачусетсу тоже.

Бен бережно обернул камень махровой салфеткой и уложил на край ванны. Если это всё-таки окажется яйцо динозавра, тогда Бену повезло, как никакому другому мальчику на свете! Его будут показывать по телевизору, съедутся учёные со всего мира. «Бен, – спросят учёные, – ты нам разрешишь его потрогать?» Или можно продать это яйцо какому-нибудь музею и получить кучу денег, целый миллиард. А когда у него будет миллиард, он купит маме с папой машину – вместо той, которая убиенная.

Тут до его ушей долетел еле слышный звук: кто-то тихо-тихо поворачивал дверную ручку. Лидия! Бен – вместе с большим водяным плюхом – выпрыгнул из ванны в ту же секунду, когда его сигнальная вешалка обрушилась на пол, захлопнул дверь, которая уже начала открываться, и навалился на неё что было мочи.

– Нельзя!

– Лидия туда.

– Нечего тебе тут делать! Уходи.

На этот раз Лидия не ответила, но Бен не спешил покидать свой пост: у него было подозрение, что так легко она не отступится. И он не ошибся. Спустя несколько секунд снизу – оттуда, где находились его пятки, – послышались пыхтение и сопение. Бен опустил на четвереньки и заглянул под дверь. Из щели на него смотрел один блестящий и полный надежды глаз.

– Лидия *любит* Бена!

Он сдёрнул с крючка полотенце и затолкал его в щель под дверь, чтобы глаза не было видно.

– Бе-ен! – надрывно звала Лидия. – Бен!

Он стащил вниз остальные полотенца, завалил ими первое полотенце и собирался уже укрепить свою баррикаду бельевой корзиной, когда в коридоре послышались ещё чьи-то шаги и потом какая-то возня под самой дверью.

– Она опять меня достаёт! – крикнул Бен неизвестному подоспевшему Пендервику.

– Всё в порядке, я её забираю, – ответила Джейн с той стороны, после чего послышались вопли уносимой Лидии.

Бен, у которого ноги на холодном полу уже заледенели, с облегчением вздохнул и вернулся в ванну – тратить дальше вырученные за динозаврье яйцо деньги. Лучше даже купить папе с мамой две машины, а того, что останется, должно хватить на киностудию – потому что они с Рафаэлем собираются снимать научно-фантастические фильмы. И ещё, когда Бетти наконец будет готова к новой собаке – Бен надеялся, что скоро, – он купит собаку... нет, он купит сто собак, потому что только сто собак могут хоть немножко сравниться с Псом – самой лучшей собакой на свете. Они с Рафаэлем будут их всех дрессировать и готовить к работе на съёмочной площадке, это на случай, если для их научно-фантастического фильма понадобятся собаки-пришельцы.

Отмывшись до своего более или менее обычного состояния, Бен, с замотанным в полотенце каменным яйцом под

мышкой, успешно добрался от ванной до своей комнаты и даже не наткнулся по пути следования ни на одну из сестёр. К сожалению, на двери его комнаты замка тоже не было. Родители обещали его врезать, как только Бену исполнится двенадцать, но этого ещё ждать и ждать, целых четыре года – Бен очень надеялся, что Лидия за это время перевлюбитя в кого-нибудь другого. А пока что ему приходилось и в комнате пользоваться точно такой же системой раннего оповещения. Расчистив для окаменелого яйца место на нижнем ярусе двухъярусной кровати, – где было столько всего интересного, что сам Бен спал всегда на верхнем, – он уже шёл устанавливать сигнализацию, когда дверная ручка вдруг дёрнулась и начала поворачиваться.

– Кыш отсюда! – Отбросив вешалку, Бен кинулся к двери. – Нарочно меня бесишь?!

– Это я, мама.

– Ой. – Бен впустил маму в комнату. – Я думал, Лидия. Она опять ломилась ко мне в ванную.

– Да, я уже слышала про этот инцидент, прости. Но сегодня тебе ничего больше не грозит, Лидия только что уснула.

– А она возьмёт и проснётся, и сбежит. Кстати, можно привязывать её к кровати. – Он предлагал это уже много раз, но его идею за всё время так никто и не поддержал.

– Это может быть опасно, и это несправедливо по отношению к Лидии. Тебя ведь я ни разу ни к чему не привязывала, правда?

– Не помню.

– Поверь мне на слово. Не привязывала.

Вообще-то мама, как Бену хорошо было известно, пришла пожелать ему спокойной ночи, прежде чем ехать обратно на работу, в университет. Потому что, когда она вернётся, он давно уже будет спать. Бен гордился тем, что его мама – астрофизик. У Рафаэля, например, мама психолог, но любой мальчик знает, что мозги – это совсем не так интересно, как звёзды. Вот только Бену не нравилось, когда его мама поздно вечером уезжала к себе на работу. И точно так же ему не нравилось, когда папа поздно вечером уезжал к себе на работу. Поэтому он разработал специальную тактику, чтобы удерживать их дома как можно дольше: надо просто сделать так, чтобы они всё время говорили. Правда, эта тактика пока ещё ни разу не срабатывала, но Бен не оставлял попыток.

– Мам, смотри, что я сегодня нашёл. – Он показал ей камень. – Как ты думаешь, это окаменелое яйцо динозавра, да?

– Боюсь, что нет.

– Ты уверена? Потому что если да, то он же стоит кучу денег.

– Уверена, мой хороший.

Ну вот, опять не повезло. Но Бен слишком привязался к своему камню и не собирался так сразу сдаваться.

– А может, он из космоса? А форма такая странная, потому что его сплющило, пока он пролетал через земную атмосферу. И он вообще тогда будет стоить кучу-кучу денег!

– И не из космоса. Бен, твой камень очень красивый, но это обычный камень.

– Точно? Ты прямо совсем уверена? А вот Рафаэль говорит, что вокруг нас полно камней, про которые просто никто не знает, что они из космоса. Мы с ним уже договорились. когда-нибудь мы сделаем один фильм – знаешь, как он будет называться? «Тайное вторжение камней». Рафаэль будет учёный, а я – пришелец, которому поручена секретная доставка камней на Землю.

Ещё одна суперклассная вещь, которую Бен точно знал про свою маму, – это её интерес к научной фантастике. Он постарался выжать из этого интереса всё, что только можно, и добрался уже до Дельта-квадранта, при этом успев сообщить, что камни образуются, когда у кого-нибудь из инопланетян начинается отрывка. Но поскольку мама всё-таки была взрослая, она его поцеловала, пожелала спокойной ночи, а потом уехала на работу, хоть ему и не хотелось её отпускать.

– Ну вот. Нету, значит, окаменелого яйца, – пробурчал он, плюхаясь на свободный от интересных предметов край нижней кровати. – И миллиарда долларов тоже нету.

Беттины уроки фортепиано всегда были хороши, но в этот вечер – особенно. Её учитель, мистер Трайс, показывал, как мог бы звучать Бах в исполнении Скотта Джоплина⁵, после

---

⁵ Композитора и пианиста Скотта Джоплина (1868–1917) называют королём регтайма. А регтайм – это танцевальная, ритмичная музыка, самостоятельный

чего Бетти сыграла пьесу Скотта Джоплина так, как будто она – Бах, и это оказалось ещё веселее. Мистер Трайс вообще считал, что музыка нужна для радости и веселья – а для чего ещё?

Бетти никогда прежде не пыталась *думать* как Бах – или, допустим, как Скотт Джоплин, – поэтому теперь она очень спешила домой, чтобы попробовать ещё раз. Однако дома выяснилось, что пробраться к инструменту нет никакой возможности – из-за тинейджеров⁶. И такое в последнее время повторялось всё чаще, потому что тинейджеров в доме Пендервиков становилось всё больше – Бетти уже мечтала, чтобы пианино из гостиной переставили к ней в комнату, куда тинейджеры никогда не заглядывали. Сегодня это были: Джейн, Арти – приятель Джейн со времён начальной школы – и мальчик по имени Донован, который появился у Джейн только недавно. Точнее, появились даже два Донована, оба крепкие, невысокие, темноволосые, в очках и футболисты, – и сначала Бетти думала, что они братья, а Донован – это их фамилия. Но потом оказалось, что один – Донован Такой-то, а другой – Другой-то, Бетти не запомнила, кто из них кто, да и неважно. Кто бы ни был тот Донован, который сейчас торчал в гостиной, Бетти стеснялась при нём играть Баха. И Джоплина тоже. Она даже при Арти стеснялась играть, хотя

музыкальный жанр, но влившийся в XX веке в другой музыкальный жанр – джаз.

⁶ То есть тех, чей возраст (*age*) по-английски заканчивается на – *teen*: от тринадцати (*thirteen*) до девятнадцати (*nineteen*).

и привыкла к нему за столько лет.

Она поднялась наверх, постучала в комнату Бена их условным стуком – три коротких тука и один шлёп – и дождалась, пока он уберёт свою сигнальную вешалку и откроет дверь.

– Принесла мне что-нибудь от Кейко? – спросил Бен.

Бетти протянула ему бумажный пакет с печеньем. Кейко, дочка мистера Трайса и одновременно лучшая Беттина подруга, обожала придумывать новые рецепты выпечки. Но так как в её рецептах встречались довольно неожиданные сочетания и результаты тоже могли оказаться неожиданными, Кейко часто тестировала свои произведения на Бене, прежде чем выпускать их в большой мир.

– Только я обещала не говорить тебе, что там, пока не попробуешь.

– Но не батат? – Один раз Кейко проверяла на нём бататовую шарлотку с безе, и тогда после третьего куска его затошнило.

– Не батат.

Бен запустил руку в пакет. Оказалось, что печенье почти нормальное, шоколадное с кусочками лимонной кожуры.

– Нифево, – с полным ртом проговорил Бен.

Убедившись, что брат не упал замертво и пена из его рта не идёт, Бетти забрала у него пакет и тоже вытащила себе одно печенье.

– У нас опять гостиная вся в тинейджерах, – пожаловалась

она. – А я хочу поиграть на пианино. Придётся дожидаться, когда они уйдут. Пойдём подежури́м вместе на лестнице?

Тинейджеры в гостиной не слишком интересовали Бена, но за этим бумажным пакетом он пошёл бы сейчас куда угодно. Они сели перед анти-Лидией на верхнюю ступеньку – с видом на прихожую и входную дверь. Джейн, конечно, не виновата, что мальчики ходят к ней в гости, Бетти это понимала: шестнадцать лет, что поделаешь. Вдобавок Джейн ведь должна где-то брать материал для своих будущих книг. А Кейко вообще говорила: надо радоваться, что у Бетти перед глазами всегда столько мальчиков и есть возможность наблюдать за их поведением: это поможет им обоим подготовиться к сложному периоду тинейджерства. Он же всё равно наступит, хотят они того или нет. Бетти соглашалась, но ей было бы легче радоваться, если бы эти мальчики приходили пореже, а когда приходили, не мешали бы ей играть на пианино.

– Я тут нашёл один камень. Думал, яйцо динозавра. – Бен говорил тихо, почти шёпотом: ещё не хватало разбудить Лидию, комната которой была совсем рядом. – Но мама сказала, что нет. Жалко. Я бы его продал, и мы бы сразу стали богачами.

– Нам необязательно быть богачами.

– Знаю... но всё-таки.

Да, Бетти и сама понимала про «всё-таки». Сегодня за ужином Скай объявила, что возьмёт себе ещё учеников – хо-

тя она и так уже занималась математикой с тремя, – а Джейн сказала, что она будет теперь шить одежду для всей семьи – ради экономии. И хотя мистер Пендервик с Иантой говорили им: эй, стоп-стоп-стоп, ну-ка выкинули всё это из головы, денежными делами занимаются взрослые! – Бетти понимала, что её сёстры не собираются ничего выкидывать из головы. И Розалинда у себя в университете работала – подрабатывала в библиотеке. И Бетти, когда станет тинейджером, тоже начнёт зарабатывать деньги. Она уже даже придумала, как будет называться её будущая фирма для временных подработок: ПИР. Это значит «Пендервик Ищет Работу». Какую именно работу – вот с этим не всё пока было ясно; важно, чтобы эта работа подходила для стеснительного человека. Правда, Кейко считала, что к началу тинейджерства Бетти свою стеснительность перерастёт. Но сама Бетти не была в этом так уверена.

– Бен, сходи вниз, посмотри, что они там делают, – попросила она.

– Я возьму последнее печенье?

– Ага, когда вернёшься.

Потом она наблюдала, как Бен открывает и закрывает решетчатые воротца: по пути туда верхние и нижние, а по пути обратно нижние и верхние. Вернувшись, он доложил:

– Донованы разлеглись на полу. Арти делает стойку на руках. Я тоже хочу научиться делать стойку на руках. И все грызут солёные крендельки. Опять у нас ни одного крендель-

ка не останется.

Ну вот, теперь *оба* Донована здесь. Когда второй-то успел просочиться? Она тут ждёт, чтобы мальчики ушли, а они, наоборот, множатся. И вообще, подумала Бетти, как-то они все неправильно распределены в пространстве. Наверняка ведь где-то есть тинейджеры-девочки, у которых дома в эту самую минуту нет ни одного тинейджера-мальчика.

Тут в дверь позвонили, и Джейн пошла открывать очередному тинейджеру. На этот раз хотя бы девочка – Элиза, подруга Джейн. Соотношение между мальчиками и девочками немножко улучшилось. Но только это не приблизило Бетти к её пианино. Хорошо, что она всегда подолгу играет утром, до школы и до всех этих вторжений.

– Всё, сдаюсь, – сказала она. – Придётся идти делать домашку.

– А я уже сделал, – сообщил Бен. – Вычитание и словарные слова.

Ах, вычитание и словарные слова, старые добрые времена, подумала Бетти и потащилась к себе в комнату – учить облака. И ещё же висят эти отчёты о прочитанном: в этом году она должна отчитаться по десяти прочитанным книгам. И вот – год скоро кончается, а она ещё даже не приступала. Нет, конечно, Бетти любит читать – может, не так сильно, как Джейн, но кто же сравнится в этом с Джейн? Просто Бетти всегда казалось, что чтение – это её личный, тайный разговор с героями книги. А писать об этом отчёт – всё равно что

пересказывать тайну всем-всем-всем, тайна ведь от этого испортится. Бетти даже пыталась читать книги, которые ей не нравятся, чтобы потом можно было написать по ним отчёт и ничего при этом не испортить, но у неё никак не получалось осилить первые ужасные несколько страниц.

А сегодня, между прочим, четверг, а каждую пятницу их учительница мисс Роу, которая жить не может без своих отчётов, подходит к «Таблице чтения пятиклассников» и начинает рассказывать, кто сколько отчётов уже сдал и кому сколько ещё осталось. Всё-таки надо взять себя в руки и написать хоть один жалкенький отчётик о прочитанном, и тогда, может быть, завтра не придётся терпеть то, что Бетти терпит каждую пятницу вот уже несколько месяцев: этот взгляд учительницы, полный разочарования и приправленный каплей презрения.

Бетти побрела к своему книжному шкафу с намерением выбрать какую-нибудь книгу, но по пути ей пришлось задержаться у кровати, чтобы поздороваться с парой мягких зверей, отдыхавших на её подушке. Первый – голубой слоник Фантик, который был с Бетти всегда. Второй – тигр по имени Гибсон, это один из сменных друзей Фантика. До Гибсона, несколько месяцев назад, была медведица Урсула. А после Гибсона будет медведик Фред.

– Привет, звери, – сказала Бетти.

– Привет, Бетти, – ответила она же, потом вздохнула и поплелась дальше.

В книжном шкафу стояло несколько фотографий Пса, Бетти поздоровалась с ними по очереди. Почти все немного смазанные и не в фокусе, как будто Пёс ровно в этот момент решил отскочить от объектива или, наоборот, наскочить. Хотя, конечно, Бетти сама виновата: надо было раньше позаботиться о том, чтобы у Пса появился хотя бы один хороший снимок. Иногда ей смутно мерещилась фотография в рамке, одна-единственная, на которой Пёс был какой-то удивительно Псовый, – всё чувствующий, всё понимающий, – и Бетти искала и искала эту фотографию по всему дому, но так и не нашла. А может, такой фотографии никогда и не было, может, Бетти её выдумала.

– Привет, милый Пёсик, – сказала она.

На этот раз никто не ответил.

Ладно. Теперь отчёт. Бетти наклонилась над нижней полкой, куда обычно отправлялись нелюбимые книги, и вытащила одну, которую ей всё же удалось одолеть: в ней было интересно написано про волшебство, но непонятно, зачем столько подробностей из жизни сурков. Хотя если взять и постараться вспомнить, что там было, то на отчёт, может, и наскребётся.

Но шкаф стоял у окна, окно было открыто, в него влетали дивные запахи влажной земли и всего из неё прорастающего и зеленеющего, и эти запахи пленяли и манили Бетти подобно пению сирен. Вскоре книга про сурков упала на пол, а Бетти высунулась из окна – вдохнуть побольше весны.

Ох, а это кто? Тинейджеры уже во дворе? Им мало, что они заполонили дом Пендервиков изнутри, – теперь ещё и снаружи? Правда, эти хотя бы попривычнее – друзья Скай пришли поиграть в футбол. Бетти знала почти всех: Пирсон, Кейти, Молли, Асанте. А вон Скай, её светлая стриженная голова мелькает в сумерках. Сколько Бетти себя помнила, Скай всё время тренировалась, отрабатывала какие-то футбольные комбинации – и Джейн тоже, хотя не так упорно, как Скай.

Молли первая заметила Бетти в окне.

– Привет, Бетти! Спускайся к нам, погоняем мячик!

– Мне не хочется, спасибо. – Бетти знала Молли несколько лет и почти её не стеснялась. Но гонять мячик ей не хотелось всё равно, не только из-за стеснительности. Дело в том, что у Бетти очень плохо получалось гонять, бросать, ловить и пинать мячи – любой формы и любого размера. По правде говоря, её это совершенно устраивало. Но всё равно трудно было не завидовать Скай, её ловкости, силе и ещё тому, как она никогда не устаёт работать над собой.

Внизу Молли теперь убеждала Скай, что надо попробовать ещё раз – должны же они привить Бетти хотя бы самые элементарные футбольные навыки.

– Без толку, – отвечала ей Скай. – Она безнадежна для спорта.

– Ага, Молли, – подтвердила сверху Бетти. – Я безнадежна.

– Да, кстати. – Скай посмотрела на сестру. – Джефффри будет у нас в выходные. Он попросил сказать тебе, что приедет в субботу.

Бетти от волнения чуть не выпала из окна.

– Когда в субботу? Во сколько?

Но Скай уже отвернулась: она вела мяч и была вся в игре.

Ну и пусть! Суббота – это прекрасно, во сколько бы он ни приехал. Джефффри! Джефффри, Джефффри, Джефффри! Он, конечно, тоже тинейджер, но вот *его* Бетти счастлива видеть всегда, в любой день, – и он ведь практически член семьи. Однажды летом, очень-очень давно, когда они только познакомились с Джефффри, сёстры Пендервик, которых тогда было четыре, присвоили ему звание почётного Пендервика. Будь их воля, они пошли бы и дальше и с радостью бы его усыновили и забрали у его мамы, жуткой эгоистки, но о таких вещах легко мечтать, а вот сделать... Пришлось придумать для него такое вот специальное почётное звание. И Джефффри с честью носил его все эти годы, даже после того, как отыскался его пропавший папа – к счастью, совершенно не жуткий и ни капельки не эгоист, – и теперь им обоим жилось гораздо лучше и веселее, чем до того, как они нашлись.

Но для Бетти Джефффри был не просто почётным братом. В то первое лето – ей тогда было всего четыре года – он дважды её спас: один раз от огромного страшного быка, который чуть её не растоптал, и потом опять – когда Бетти хотела перебежать дорогу прямо перед мчавшейся машиной. Некото-

рые Пендервики – Скай, например, – говорили, что Бетти не должна была попадать в такие ситуации, из которых её потом приходилось спасать. Но другие считали, что благодаря храбрости и самоотверженности Джеффри его связь с Пендервиками стала ещё прочнее, поэтому хорошо, что он её спас. А мистер Пендервик сказал даже, что поскольку Джеффри спас Бетти от смерти, то у него навсегда остаётся частичка её души. Бетти не поняла тогда, что это значит, да и сейчас не понимала, но ей всё равно это нравилось.

И было у Джеффри и у Бетти ещё кое-что важное и особенное, что из всех Пендервиков связывало только их двоих, притом связывало так, что крепче некуда: музыка. Джеффри – сам талантливый музыкант, который готовился посвятить музыке всю свою жизнь, – первым заметил, что и у Бетти есть способности к музыке, первым начал учить её играть на фортепиано, первым поверил в то, что и она станет когда-нибудь таким же блестящим и увлечённым музыкантом, как он сам. И Бетти мечтала о том же.

Джеффри приезжает! Как же давно его не было, несколько недель. Он учится в школе-интернате в Бостоне, но в эту субботу он наконец сядет за руль своей маленькой чёрной машинки и приедет, и они с Бетти будут играть на пианино в четыре руки и разговаривать о музыке – конечно, не всё время, а сколько получится, потому что он ведь захочет общаться и со всеми остальными Пендервиками. Особенно со Скай. Все Пендервики любят Джеффри, но Скай – его самый

лучший друг.

Надо отпраздновать приезд Джефффри сейчас же! Значит, нужна музыка.

На столе у Бетти стоял старомодный проигрыватель, Ианта купила его на гаражной распродаже несколько лет назад специально для Бетти. И это теперь была одна из главных Беттиных ценностей – и сам проигрыватель, и коллекция поддержанных пластинок к нему, которая постоянно росла. У неё уже было много классики, много мюзиклов – Бетти обожала мюзиклы – и целая сокровищница из дисков Фрэнка Синатры, Лины Хорн и Джуди Гарленд⁷ – эти диски Джефффри отыскал на чердаке в доме у своей мамы и переправил Бетти. А иногда он посылал ей интересные музыкальные альбомы, которые ему попадались в бостонских магазинчиках, где продаются старые виниловые пластинки, – а ему попадались и Джонни Кэш⁸, и Джони Митчелл⁹, и «Битлз»¹⁰. И много «Мотауна»¹¹. Джефффри обещал, что, когда Бетти ис-

---

⁷ Фрэнк Синатра, Лина Хорн, Джуди Гарленд – легенды музыкального мира Америки. Все они жили в двадцатом веке (а Лина Хорн прихватила и первое десятилетие двадцать первого).

⁸ Джонни Кэш (1932–2003) – американский певец и композитор, икона музыки кантри.

⁹ Джони Митчелл (род. 1943) – прославленная канадская рок-певица и автор песен.

¹⁰ Британская рок-группа из Ливерпуля *The Beatles* (1960–1970), по оценкам журнала *Rolling Stone*, занимает первое место в списке величайших музыкантов всех времён.

¹¹ Американская студия звукозаписи *Motown Records*, золотой век которой при-

полнится двенадцать, они всерьёз займутся историей рок-н-ролла, а в четырнадцать перейдут к джазу. Пока же её задача – слушать и всё в себя впитывать.

А что она выберет сегодня? Бетти быстро пролистала свои любимые музыкальные альбомы. Вот что: Марвин Гэй¹² и самое-самое лучшее у Марвина – «До меня дошли слухи»¹³. Она вытряхнула пластинку из конверта и, установив её на вертушку, осторожно поднесла иглу звукоснимателя к нужной бороздке. Раздались первые аккорды – ритм – звуки бубна, и Бетти, вместе с Фантиком и Гибсоном, закружилась по комнате, напрочь забыв про сурков и заодно про ненаписанный отчёт.

шёлся на 1960-е годы, помогла многим чернокожим певцам стать настоящими звёздами и даже разработала так называемое «мотаунское звучание» – особое направление ритм-энд-блюза.

¹² Марвин Гэй (1939–1984) – американский певец, аранжировщик и автор песен, один из создателей современного ритм-энд-блюза, один из самых успешных мотауновских исполнителей.

¹³ *I Heard It Through the Grapevine* – самая известная песня Гэя.

Глава четвёртая

За радугой

По утрам в пятницу, ещё до того, как мисс Роу, глядя в свою ужасную таблицу чтения, заводила долгий разговор об отчётах, Бетти и остальные пятиклассники начальной школы «Лесная» отправлялись в актовЫй зал на хоровое пение. И они бы, наверное, радовались возможности отвлечься хоть ненадолго от обычной школьной рутины, не будь их учитель пения таким надутым занудой. Бетти давно уже заподозрила, что мистер Радкин просто ничего не понимает в музыке. А Кейко вообще говорила, что ему бы енотов учить, а не детей.

Поэтому, когда сегодня утром пронёсся слух, что мистера Радкина не будет, пятиклассники очень оживились. Пока их

вереница тянулась по коридору в актовъй зал, до ушей Бетти и Кейко долетело несколько возможных объяснений. Самое злорадное – что мистер Радкин умер от скуки, в которую он же себя и вогнал. А самое неправдоподобное – что он уехал жениться на рок-звезде.

– А Генри сказал, что мистер Радкин в розыске и скрывается от ФБР, – сообщила Кейко, когда они с Бетти поднимались на сцену.

– Ну, Генри у нас вообще.

Так оно и было: весь класс знал, что Генри вообще, то есть любит преувеличивать. Но сейчас Бетти очень хотелось, чтобы вот это про ФБР оказалось правдой. Может, тогда мистер Радкин денется куда-нибудь насовсем. Всё-таки начальная школа «Лесная» – не самое лучшее место, чтобы укрываться от федеральных расследователей.

Пятиклассники уже всей толпой устремились на хоровой станок. Мистер Радкин никогда не удосуживался расставить их в каком-нибудь порядке, поэтому уроки пения всегда начинались с неразберихи: хористы проталкивались кто куда, каждый стремился поближе к друзьям, подальше от врагов. Бетти и Кейко всегда становились рядом, желательно позади кого-нибудь, кто повыше ростом, чтобы мистер Радкин их меньше видел. Сегодня они выбрали местечко в четвёртом ряду, прямо за братьями Вайз, близнецами-баскетболистами, но почти сразу об этом пожалели, потому что в зал вошёл директор, и мистера Радкина с ним не было – зато

была маленькая женщина с копной волнистых седых волос и в больших внушительных очках. Чтобы получше её разглядеть, Бетти отклонилась в одну сторону, а Кейко в другую.

– Как думаешь, кто она такая? – спросила Кейко.

Директор поднял руку – в «Лесной» этот жест означает «Тишина!», в ответ каждый ученик должен замолчать и тоже поднять руку. Женщина с волнистой копной руку не подняла, и Бетти ещё чуточку ободрилась. Мистер Радкин часто простаивал по пол-урока с поднятой рукой, так что до пения дело почти не доходило.

– Доброе утро, дети! – сказал директор. – Опустили руки. К сожалению, я должен вам сообщить, что мистер Радкин по состоянию здоровья не сможет вести у вас занятия до конца года.

Из группки мальчиков, среди которых был и Генри, имеющий доступ к информации ФБР, опять вскинулась вверх рука. Но на этот раз она явно означала не «Тишина!», а «Можно спросить?».

– Васудев, – шёпотом сообщила Кейко, хотя Бетти и так знала, что это Васудев: они же учились в одном классе. У Кейко на примете было сразу несколько мальчиков, а именно: Генри, Васудев, один шестиклассник по имени Эрик и один актёр по имени Райан, кинозвезда. Она пока была не готова взять и в кого-то из них прямо влюбиться, но считала, что лучше заранее присмотреться и наметить достойнейшего – на случай если в какой-то момент ей срочно понадобится-

ся отдать кому-нибудь своё сердце.

– Спрашивай, – кивнул директор Васудеву.

– А какое у него состояние здоровья?

– Не волнуйся, угрозы для жизни нет. И главное, это тебя совершенно не касается. – Директор потёр лоб, что в присутствии пятиклассников делал довольно часто. – Но, к счастью, мы уже нашли замену. Поприветствуем миссис Грюнфельд, которая согласилась нас выручить, и поблагодарим её аплодисментами.

Когда окончательно стало понятно, что мистера Радкина точно не будет, класс взорвался такими аплодисментами, что директор вынужден был снова поднять руку: тишина. После чего, перечислив несколько страшных последствий, которые неминуемо постигнут каждого, кто будет плохо себя вести, он быстро ушёл, а пятиклассники остались с миссис Грюнфельд.

– В учебном плане у мистера Радкина стоит песня «О Шенандоа», – сказала она. – С неё и начнём. – Она достала из кармана камертон, очень похожий на свисток, и дунула. – Вот с этой ноты. И – раз, и – два, и – три...

Честно говоря, «О Шенандоа» в исполнении пятиклассников и раньше звучала так себе: видимо, ни мистер Радкин, ни его ученики так и не прониклись обаянием этой старинной баллады¹⁴. Но сегодня она звучала просто жутко. Бетти

---

¹⁴ По одной из версий, лирический герой американской народной песни *Oh Shenandoah* – бродячий белый торговец, который пересекает бурную реку Миссу-

понимала, в чём тут дело: несколько мальчиков специально фальшивили. Такое бывало и прежде – а так как мистер Радкин ни разу не смог выяснить, кто именно издаёт эти гадкие звуки, всем приходилось стоять по пол-урока с поднятыми руками.

Пятиклассники кое-как добрались до конца второй строки, до «спешу к тебе я», когда миссис Грюнфельд вдруг резко провела ребром ладони поперёк горла.

– Хватит, – сказала она негромко, но почему-то все сразу умолкли, даже фальшивые певуны, на которых смотрела в этот момент миссис Грюнфельд. – Ты, ты, ты и ты, – поочерёдно указала она на мальчиков, – перейдите в первый ряд. Пока все будут петь, вы будете стоять молча. Я разрешу вам петь вместе со всеми, только когда вы сами об этом попросите. Заметьте, я сказала не *если* попросите, а *когда*. И я думаю, что первым обратится ко мне с этой просьбой молодой человек по фамилии...

– Ловенталь, – сказал Генри, потому что взгляд учительницы был совершенно определённо направлен на него. Кажется, Генри всё ещё не мог поверить, что их вычислили.

– Хорошо. Остальным тоже придётся встать по-другому. Кто умеет петь так, чтобы окрестных собак не хватил родимчик, переходят на левую сторону. Кто считает, что поёт даже

ри, чтобы встретиться с вождём индейского племени Шенандоа. Торговец влюблён в дочь Шенандоа, он хочет взять её в жёны и увезти с собой. Но, кстати, это не единственная версия, есть и другие.

чуть лучше, – на правую. Заодно те, кто повыше ростом, передвинутся назад, а кто пониже – вперёд, тогда я смогу видеть и ваши лица.

Спустя ещё несколько минут хихиканья и толкотни пятиклассники наконец разобрались, кому где стоять с учётом роста и предполагаемых певческих талантов. Бетти и Кейко переместились подальше вправо и спустились во второй ряд, потому что с ростом у Бетти было пока что очень скромно, а у Кейко ещё скромнее. К огорчению Кейко, многие мальчики перебрались на левую половину хорового станка – возможно, надеялись, что их будут проверять на собаках.

– Попробуем ещё раз, – сказала миссис Грюнфельд. – Только, пожалуйста, распрямитесь. Когда вы стоите все ссутуленные, как сборище малолетних преступников, ваши лёгкие не могут работать.

Пятиклассники распрямились и вместо сборища малолетних преступников стали похожи на скопище телеграфных столбов.

*О Шенандоа,
К тебе спешу я
Через стремнину.
О Шенандоа,
К тебе спешу я,
Борясь с волнами
Полноводной Миссури.*

На этот раз никто специально не фальшивил, и Бетти даже подумала, что Пса, во всяком случае, родимчик бы не хватил. Интересная учительница... а дальше что она будет делать?

– Теперь вот эти четыре девочки в конце второго ряда – пожалуйста, отдельно. Спойте то же самое ещё раз.

В конце второго ряда стояли Кейко и Бетти, а рядом Мелл и Абби из параллельного класса. Девочки растерянно переглянулись: ни одной из них не нравилось быть центром внимания. И меньше всех это нравилось Бетти. Она согнула ноги в коленях, чтобы стать пониже ростом, и тряхнула головой, чтобы волосы упали на лицо.

– Начинаем. – Миссис Грюнфельд снова дунула в свисток-камертон.

Девочки пропели целых два куплета, до того как учительница их прервала. Они молча ждали вердикта, но, к огромному их облегчению, ничего ужасного не последовало. Миссис Грюнфельд только улыбнулась и сказала:

– Спасибо, девочки. И, пожалуй, рек на сегодня достаточно. А ещё над какими песнями вы работали? – Она заглянула в лежавший на пюпитре список. – «Над Потомаком тишина»... «Песня бурлаков на Волге»... «Река Суони»... Что-то у вас тут одни реки.

– Мистер Радкин сказал, что пусть песни учат нас хотя бы географии, – охотно объяснил ей кто-то из первого ряда.

– И как, сильно вы продвинулись в географии? Нет?.. Я

так и думала. Тогда переключаемся с водоёмов на песню, которая вас совершенно ничему не научит.

И дальше время понеслось быстро. Первая – восхитительно глупая – песенка, которую они пели, называлась «Это любовь»¹⁵. Потом «Твист и крик»¹⁶ – миссис Грюнфельд даже показала им, как танцевать твист, и объяснила, что иногда музыка неотделима от танца – и «Твист и крик» как раз хороший тому пример. Мальчики из первого ряда, которым было запрещено петь, давно раскаялись в своей глупости и отбивали ритм ногами. А в конце занятия, когда хор пятиклассников под руководством миссис Грюнфельд исполнял «Я еду в Рио»¹⁷, довольная четвёрка уже распевала вместе со всеми. И да, именно Генри Ловенталь первым вежливо спросил миссис Грюнфельд, можно ли им уже присоединиться к остальным.

Когда ручеёк пятиклассников потёк из актового зала, настроение у всех было совсем не такое, как утром, до пения. Все были в восторге от новой учительницы. Одна девочка,

---

¹⁵ *That's Amore* – эта жизнерадостная песня, сочинённая американцами Гарри Ворреном и Джеком Бруксом (1953), но звучащая очень по-итальянски, долгое время была визитной карточкой певца Дина Мартина – любимца американцев.

¹⁶ *Twist and Shout* – песня американских авторов Фила Медли и Берта Рассела, написанная в 1961 году в ритме твиста, входила в репертуар многих музыкальных групп, в том числе *The Beatles*.

¹⁷ *I Go to Rio*. Автор музыки и первый (1976) исполнитель этой очень зажигающей песни – австралиец Питер Аллен. Автор стихов – американка Адриенн Андерсон.

правда, пожаловалась, что «твист – это же танец бабушек-дедушек», но Васудев спросил её: «Хочешь, чтобы мистер Радкин вернулся?» – и на этом жалобы закончились.

Бетти продолжала ломать голову над тем, почему учительница попросила её, Кейко, Мелл и Абби спеть вчетвером.

– Как ты думаешь, почему миссис Грюнфельд попросила нас спеть отдельно? – спросила она Кейко.

– Мы пленили её своими голосами. – Кейко старательно отрабатывала движения твиста. – А ты возьми и спроси. Она как раз идёт к нам.

Учительница и правда направлялась в их сторону. Бетти оцепенела, вмиг превратившись из пятиклассницы в испуганную лань. Подойдя, миссис Грюнфельд спросила Бетти, как её зовут. Поскольку Бетти продолжала оцепенело молчать, за неё ответила Кейко:

– Это Бетти Пендервик.

– Спасибо. А она сама разве немая?

Кейко подтолкнула подругу в бок.

– Бетти, скажи что-нибудь.

– Я не немая.

– Ну и хорошо, – сказала миссис Грюнфельд с улыбкой. – Я хотела попросить тебя, Бетти, после занятий заглянуть ко мне в музыкальный класс, если ты не против.

– Нет, то есть да. То есть не против.

Миссис Грюнфельд двинулась дальше, а Бетти, которой вдруг понадобилась поддержка, вцепилась в Кейко.

– Я что-то сделала не так? И она решила меня наказать?

– По-моему, нет, – ответила Кейко. – Она же тебе улыбалась.

– Может, она улыбалась, чтобы смягчить удар.

– Ну нет, учителя смягчают удар после того, как они его нанесут. А за пять часов до того зачем же ей тебе улыбаться? Кстати, ты написала вчера хоть один отчёт?

– Не-а, забыла. – Но Бетти уже напевала про себя мелодию из Марвина Гэя.

«Таблица чтения пятиклассников» мисс Роу висела на стене прямо у Бетти перед глазами – как постоянное напоминание о её бедствии. Чтобы не видеть эту таблицу, можно было немного сдвинуться вбок, но тогда перед глазами оказывался Генри и начинал корчить рожи, а Бетти начинала смеяться. Мисс Роу в сотый раз говорила ей сесть прямо, и эта ужасная пустая строка против «Б. Пендервик» опять торчала прямо перед глазами. Кроме Беттиной, в таблице была ещё одна пустая строка – напротив Васудева, но это не очень утешало, потому что Васудев вообще-то уже сочинил положенные десять отчётов, просто забывал их сдать. У всех остальных после фамилии стояло примерно по пять звёздочек – по одной за отчёт. У Кейко восемь. А у Джиневры Сантолери уже четырнадцать. А сегодня она подскочила к учительнице и сдала ещё два отчёта. И мисс Роу тут же, на глазах у всего класса, взялась приклеивать к таблице дополни-

тельную полоску бумаги, чтобы рисовать на ней звёздочки, которые не влезли в основную строку.

Но всё равно сегодня эта ужасная таблица словно бы потеряла для Бетти часть своей привычной ужасности. Потому что её мысли то и дело возвращались к миссис Грюнфельд. Чудесный был урок пения! Но интересно: о чём она собирается говорить с Бетти после занятий? Над этим вопросом Бетти размышляла сначала целый урок про облака, потом урок про возведение в степень, потом про влияние глобального потепления на гренландскую тундру. И только когда они уже добрались до середины Древнего Египта, Бетти осенило. Наверное, она, Бетти, когда пела в хоре, шевелила пальцами, как будто играла на фортепиано. А миссис Грюнфельд заметила и теперь хочет предложить ей аккомпанировать хору. Но если так, то ничего не получится: из-за стеснительности Бетти никогда не осмелится играть перед всеми пятыми классами. Так что она, конечно, откажется, но зато поблагодарит миссис Грюнфельд за «Я еду в Рио» – это было супер.

Прежде чем отправляться в музыкальный класс, Бетти нужно было забрать Бена: по возрасту ему пока ещё не полагалось ходить домой самостоятельно. К тому же стоит Бену увидеть на дороге камень, как он забудет, куда шёл, и потеряется, – и все Пендервики с ума сойдут от беспокойства.

Коридор в той части школы, где обитали второклассники, выглядел сегодня странно: как будто раньше здесь была

огромная карта Соединённых Штатов, но она почему-то взорвалась, и теперь большие белые её куски – отдельные штаты – ползали по коридору и натыкались друг на друга. Под некоторыми, самыми большими, было практически не видно таскавших их второклассников. Штат Орегон кружил бестолковыми кругами, будто не мог сориентироваться на местности. Аляска упёрлась в стену и ни туда ни сюда, Нью-Йорк наехал на Неваду, Пенсильвания подсекла Техас, который из-за этого уронил свою коробку для завтрака.

Бетти подняла коробку и вернула её Техасу.

– Спасибо, Бетти. – Под Техасом оказалась Реми, с которой Бен дружил, ещё когда они вместе ходили в садик Голди.

– Какой большой тебе достался штат, Реми, – сказала Бетти.

– Маленькие сразу разобрали. Я хотела Делавэр, у меня там живёт тётя Кортни. Она работает в музее. – Реми поправила Техас, чтобы он не сваливался с неё на один бок, и побрела дальше, чудом разминувшись с летевшей наперерез Айовой.

Прямо перед Бетти стояли Миннесота и Флорида – в обычной жизни Бен и Рафаэль. Бен был страшно доволен, что ему удалось ухватить Миннесоту. Выглянув, как из-за угла, из-за северной её оконечности, он объяснил Бетти:

– Каждый должен украсить свой штат тем, чего в этом штате много. А мисс Ламберт сказала, что в Миннесоте много камней.

– В любом штате много камней, – возразила Бетти. – Камни есть везде.

– В Миннесоте больше, чем в любом. Мисс Ламберт так сказала.

– А я выбрал Флориду, потому что там аллигаторы, – сообщил Рафаэль. – И ещё камни могут расти прямо из-под земли. Это только во Флориде, больше нигде. Что-то там такое особенное с почвой.

Бетти давно уже научилась не задавать Рафаэлю лишних вопросов. Малейшая попытка что-то уточнить – и его безудержное воображение унесёт его ещё дальше от реальности.

– Бен, идём, нам пора, – сказала она.

Бен с торжественным и серьёзным видом обернулся к Рафаэлю. У этих двоих была особая церемония прощания с секретным шифром и специальными жестами, но Бетти сейчас слишком торопилась к миссис Грюнфельд и не могла дожидаться, пока мальчики исполнят все свои ритуалы. Поэтому она взяла Бена за руку и потащила его вместе с Миннесотой в сторону музыкального класса.

– Мы куда? – прокричал Бен, когда из вестибюля они свернули не на улицу, а почему-то опять в один из школьных коридоров.

– Мне надо в музыкальный класс.

– К мистеру Радкину, что ли? – Мистера Радкина недолюбливали даже второклассники.

– Мистера Радкина нет. Вместо него у нас сегодня была

новая учительница. И она попросила меня зайти после уроков.

– А зачем? У тебя *проблемы*, да? – Это было странно, ещё страннее желания поговорить с мистером Радкином. У Бетти ни разу в жизни не было в школе никаких проблем. – Из-за этих отчётов, да?

Бен знал, что Бетти не написала ни одного отчёта о чём-то прочитанном, и ждал, что её в любую минуту могут бросить в школьную тюрьму.

– Вряд ли. Учителям музыки отчёты не нужны.

Дверь с табличкой «Музыкальный класс» отворилась сразу, как только Бетти постучала. Миссис Грюнфельд улыбалась.

– Привет, Бетти. Спасибо, что пришла. И тому, кого я не разгляжу за Миннесотой, тоже спасибо, что пришёл.

– Это мой брат Бен, он подождёт в коридоре.

– У Бетти проблемы, да? – спросил Бен.

– Какие ещё проблемы? – удивилась миссис Грюнфельд. – Хочешь, заходи и ты вместе с сестрой.

Бен предпочёл остаться в коридоре – поразмышлять о достоинствах штата, славного своими камнями, и Бетти вошла в класс одна. В углу стояло пианино, Бетти была рада его видеть. К тому же пианино подтверждало её первую догадку – что учительница попросит её аккомпанировать.

– А пригласила я тебя, – сказала миссис Грюнфельд, – чтобы попросить мне что-нибудь спеть.

– Спеть?.. – Бетти захотелось немедленно выскользнуть за дверь. Нет, она не может взять и вот так прямо начать петь – одна, да ещё перед учительницей, которая столько всего знает о музыке. – Зачем?

– Утром, когда все пели хором, мне показалось... – Она замолчала. – Нет, лучше спой, тогда я скажу точнее.

– Я никогда не пою, никому, только Лидии, это моя сестра, но она не считается, ей всего два года.

– Хорошо, а если я закрою глаза, это поможет? Или давай мы обе закроем глаза, и ты споёшь. – Миссис Грюнфельд и правда зажмурилась. – Вот. Меня здесь нет.

– Миссис Грюнфельд, не заставляйте меня, пожалуйста...
Учительница открыла глаза.

– Ну что ты. Мне бы и в голову не пришло тебя заставлять!
Но я надеялась: может быть, ты согласишься доставить мне удовольствие послушать твой голос.

Доставить удовольствие? Ничего себе. Прямо удивительная какая-то учительница.

– Хорошо, я попробую. А что петь?

– Что угодно... кроме «О Шенандоа»! – Миссис Грюнфельд опять закрыла глаза и стала ждать.

Бетти попыталась что-нибудь вспомнить, но весь её репертуар внезапно исчез, испарился и улетучился. Может, это из-за того, что она стоит тут посреди комнаты, как в витрине? Она с надеждой обернулась к фортепианной скамье.

– А можно я сяду вот здесь? – спросила она.

– Ты играешь? Отлично. Садись за фортепиано, девочка, и откройся для музыки.

Бетти села и поставила пальцы на белые клавиши. И от этих клавиш, от знакомого ощущения под руками мужество вернулось к ней, и в голове, сначала робко, потом смелее, зазвучала музыка. Это был Шопен¹⁸ – песня из одного альбома, подаренного Джефффри. И как же хорошо, что Бетти сидела к миссис Грюнфельд спиной: это помогало даже больше, чем закрытые глаза. Наконец она опустила руки на колени и запела.

*Я всегда гонюсь за радугой,
Созерцаю облака...*

Хорошо, что она выбрала Шопена¹⁹. Восхитительная мелодия вела сама, даже не надо было ни о чём думать и ничего бояться, но тут песня вдруг кончилась и опять всё стало очень странно: неужели она, Бетти Пендервик, только что пе-

---

¹⁸ Фредерик Шопен (1810–1849) – композитор и пианист французско-польского происхождения, оказавший огромное влияние на мировую музыку.

¹⁹ Ещё бы! Лирическая и мелодичная «Фантазия-экспромт» Шопена (1835) всегда очаровывала и слушателей, и композиторов-песенников. В 1917 году написанная на её основе песня (по-английски она называется *I'm Always Chasing Rainbows*) прозвучала в одном бродвейском мюзикле и с тех пор прочно обосновалась в концертных программах и студийных альбомах многих исполнителей. Правда, до 1971 года – до выхода пластинки пианиста Роджера Уильямса, на обложке которой Ф. Шопен был впервые указан как автор, – имя великого композитора в связи с этой песней не упоминалось: все думали, это просто красивая мелодия из старого бродвейского мюзикла.

ла в музыкальном классе перед учительницей, которую впервые в жизни увидела сегодня утром? Бетти обернулась, понятия не имея, чего ждать дальше.

У миссис Грюнфельд глаза были по-прежнему закрыты.

– Это была тональность «соль»? Попробуй «до».

Нет, надо всё-таки постараться ей объяснить.

– Но... – начала Бетти.

– И чуть медленнее. *Larghetto*²⁰.

И Бетти запела «Я всегда гонюсь за радугой» ещё раз, *larghetto* и в тональности «до», – и в середине песни поняла, что в этой тональности петь ей гораздо удобнее, а *larghetto* даёт время прочувствовать каждый переход шопеновской мелодии. «Ого», – сказала Бетти про себя. Раньше ей и в голову не приходило думать о таких вещах.

На этот раз, когда, закончив, Бетти обернулась, глаза у миссис Грюнфельд были открыты, а лицо было очень, очень довольное.

– Спасибо, Бетти, – сказала она. – Я не ошиблась сегодня утром. У тебя редкой красоты голос. Настоящее чудо.

– У меня?!

– Тебе что, это не нравится?

Бетти это ни нравилось, ни не нравилось. Она знала, что музыка для неё – это фортепиано. Так было всегда.

– Просто я никогда об этом не думала.

– А в семье у тебя поют?

---

²⁰ *Larghetto* (ум.) – умеренно медленный темп, ларгетто.

– Нет. – Бетти решила не объяснять, что вообще-то поют, но только вместо пения получается блеяние унылых овец. – Миссис Грюнфельд, а вы уверены? В смысле, про мой голос.

– Совершенно уверена.

Бетти поёрзала на фортепианной скамье, пытаясь уложить всё это в голове. Она, конечно, и сама чувствовала, что в последнее время её голос сделался каким-то тягучим – будто раньше он был сироп, а теперь стал мёд. Но она не обращала внимания – думала, так и должно быть: она же растёт.

– Раз это новость для тебя, – сказала миссис Грюнфельд, – значит, вокалу ты не училась.

– В смысле... не брала уроки?

– Да, уроки. Так вот, когда и если ты решишь брать уроки, пожалуйста, выбери себе преподавателя, который не будет учить тебя белтингу – знаешь этот жуткий приём, которому теперь модно всех обучать? Художественный ор. Он звучит со всех телеэкранов, и люди начинают думать, что так и надо петь.

Миссис Грюнфельд протянула руки вперёд и запела сразу громко и с вибрацией в голосе – которая, вероятно, должна была придавать пению выразительности, но вместо этого придавала глупости.

– Да, правда... по телевизору так и поют, – сказала Бетти немного удивлённо.

– Это очень вредно для голоса, особенно детского.

– Я не буду художественно орать, честное слово, – пообещала.

щала Бетти, хотя и подумала, что странно обещать не делать того, что ей и так в голову не пришло бы делать. – Не буду даже пробовать в ближайшие много лет. А может, вообще никогда.

– Отлично. – Миссис Грюнфельд с довольным видом кивнула. – Если у тебя появятся какие-нибудь вопросы о пении, заглядывай ко мне. Договорились? Я бываю по вторникам и пятницам.

– Спасибо, миссис Грюнфельд.

– А тебе спасибо за то, что спела – для меня это нечаянная радость. Как встретить орхидею на ромашковой лужайке.

Бетти вышла из музыкального класса как зачарованная. Орхидея на ромашковой лужайке... папа будет в восторге, когда услышит!

– Что там было? – спросил Бен. – Я слышал, кто-то вопил.

– Миссис Грюнфельд показывала мне художественный ор.

– Это зачем?

– Долго объяснять. – Тем более что Бетти и не собиралась пока что ничего Бену объяснять. Правильнее будет сначала объяснить всё папе с Иантой. – Забудь. И дай мне слово, что никому ничего не скажешь – ни дома, ни Рафаэлю, никому.

– Ладно. – Бен очень сомневался, что Рафаэлю или кому-то другому будет интересно слушать про вопли учительницы в музыкальном классе.

– Нет. Поклянись честью семьи Пендервик.

– Да пожалуйста! Клянусь честью семьи Пендервик. А ты

за это дотащишь до дома мою Миннесоту?

По дороге домой Бетти, прячась под Миннесотой, представляла папино лицо – да и все остальные лица, – когда она будет петь дома для всей семьи: сколько будет изумления и гордости! Да, и начать с «Я всегда гонюсь за радугой» будет очень правильно. А дальше можно спеть что-нибудь из «Битлз», папа очень любит «Битлз».

Но тут Бетти вспомнила о Розалинде. Нет, надо обязательно дожждаться приезда Розы! Вот только сможет ли она, Бетти, хранить эту прекрасную тайну так долго – двадцать три дня? И... да, если она сможет выдержать целых двадцать три дня, то уж как-нибудь потерпит и ещё один! И споёт сразу всем Пендервикам в день своего рождения. Это будет её совершенно особенный, необыкновенный деньрожденный подарок самой себе.

Внезапно Бетти вместе с Миннесотой встала как вкопанная прямо посреди тротуара.

– Завтра приезжает Джеффри.

– Я знаю, – ответил Бен. – Скай сказала, он привезёт мне футболку «Селтикс»²¹. «Селтиксы» только что разгромили «Никсов»²². Рафаэль говорит, в Шотландии тоже есть команда «Селтикс», но они там играют в европейский футбол. И он говорит, что эти два «Селтикса» когда-нибудь обязательно

---

²¹ *Boston Celtics* – профессиональный баскетбольный клуб в Бостоне.

²² *New York Knicks* (полное название *New York Knickerbockers*) – другой профессиональный баскетбольный клуб, из Нью-Йорка.

но встретятся и сыграют между собой, только не в баскетбол и не в футбол, а во что-нибудь такое, во что ни те, ни те играть не умеют, – в хоккей, например. А может, в крикет.

Бетти перестала слушать с того момента, когда Бен начал цитировать Рафаэля, и вернулась к своим планам. Джефффри приезжает на субботу и воскресенье – как же вовремя! Он поможет ей подготовить программу её сольного концерта. Они и раньше готовили с Джефффри концерты, правда маленькие, первый раз – давным-давно, когда ей было пять и она ещё только училась играть на пианино. Но это будет совсем, совсем другое! Большой Концерт к Одиннадцатилетию. А Кейко посоветует ей подходящий концертный наряд – что-нибудь строгое и торжественное, но изысканное и эффектное.

– Это будет чудесно, – сказала она.

– Я знаю. – Бен немного удивился, что сестру так заинтересовала предстоящая встреча «Селтиксов» с «Селтиксами», но в общем был доволен. – Особенно если они выберут хоккей.

Глава пятая

Отвергнутая

Под окнами дома Пендервиков, вдоль боковой стены, тянулся длинный ряд кустов гортензии. Сейчас, весной, это были просто пучки серых голых прутьев, на концах которых болтались редкие ссохшиеся не облетевшие за зиму соцветия. По правде говоря, Бену было всё равно, *что* перед ним, серые пучки – или буйство красок, в какое они всегда превращались к середине лета, когда кусты сгибались под тяжестью разноцветных помпонов величиной с грейпфрут, всех оттенков розового, голубого и лилового. Ему-то нужны были не гортензии, а пространство между кустами и домом, узкий длинный закрытый со всех сторон коридор – прошлым летом

Бен объявил его своей личной территорией. Здесь он держал камни, недостаточно интересные для того, чтобы хранить их в доме, и здесь же они с Рафаэлем строили из этих камней дороги и мосты и возводили сооружения неопределённого назначения, которые в зависимости от обстоятельств могли использоваться либо как военные объекты, либо как враждебные армии пришельцев.

В субботу утром после завтрака Бен с большой картонной коробкой в руках пробрался между гортензиями, поставил коробку на землю и начал расчищать территорию от накопившейся с осени палой листвы и трухи. За зиму прошлогодние строения не разрушились. Хорошо. Бен уже несколько раз думал, не заняться ли ему, когда он вырастет, строительством настоящих дорог и мостов. Может, удастся и Рафаэля убедить стать архитектором – ну то есть после того, как они снимут несколько фильмов и захотят переключиться на что-то другое. Вместе они могли бы строить целые города.

Бен сел на корточки рядом с коробкой и снял крышку. В первую очередь он достал из коробки одну из главных своих ценностей, модель Чёрного Ястреба – вертолета УН-60, с настоящими дверцами и сиденьями. Этого Ястреба ему подарил Ник, старший сын Гейгеров, которые живут на той стороне улицы. Ник отдал Бену свой подарок перед тем, как отправиться в далёкие края, где он летает на точно таких же Чёрных Ястребах: там война. А Ник Гейгер теперь – лейтенант армии Соединенных Штатов Америки, вот. Мама пока-

зывала Бену то место на карте, где сейчас Ник: горы, пустыня и много маленьких селений, всё это ужасно далеко отсюда. А раньше Ник и его младший брат Томми всегда были рядом и иногда даже присматривали за Пендервиками как бекситтеры, и это всегда было ужасно весело. Плюс они тренировали Пендервиков, всех по старшинству, начиная от Розалинды. Только до Лидии не добрались. Ну и ещё с Бетти у них ничего не получилось, потому что она безнадёжна для спорта. Ник научил Бена играть в американский футбол и пообещал, что в следующий раз, когда он приедет в отпуск, они займутся баскетболом. А отпуск у него должен быть этой весной. Но как же долго ждать! Бен ужасно соскучился по Нику.

Бережно отставив Чёрного Ястреба в сторону, Бен вытряхнул из коробки всё остальное. На землю посыпались игровые фигурки, большинство из которых перешло к Бену по наследству от Ника и Томми, а один сильно потрёпанный Тысячелетний Сокол²³ – от мамы. И были ещё фигурки от отца – в смысле от родного отца, не от папы. Эти были из «Звёздного пути», в основном из «Следующего поколения»²⁴ – Ворф, Трой, Пикар и несколько недружественных гуманоидов-ромулан. О своём отце, которого насмерть сби-

---

²³ «Тысячелетний Сокол» (*Millennium Falcon*) – космический корабль во вселенной американской киноэпопеи «Звёздные войны» (*Star Wars*).

²⁴ «Следующее поколение» (*Generation Next*) – так называется одна из частей американского научно-фантастического сериала «Звёздный путь» (*Star Trek*).

ла машина ещё до Бенова рождения, Бен знал только из маминых рассказов. Иногда они с Бетти говорили об умерших родителях, но не слишком часто и обычно без грусти. Трудно грустить о человеке, которого ты никогда не видел, особенно если те родители, которые тебе в итоге достались, – самые лучшие родители на свете.

Кроме того, из коробки вытряхнулся Чинук – транспортный вертолёт с продольной трещиной посередине, у которого остался только один пропеллер, и ещё куча других фигурок. Не считая тех, кто из «Следующего поколения», Бену удалось распознать примерно половину, включая Люка Скайуокера, Чубакку и Спока²⁵. И ещё Джинни Уизли²⁶, у которой волосы рыжие, почти как у Бена. Остальные фигурки он использовал по собственному усмотрению. Вот, например: плечистый парень в синей форме – Ник. А вот этот хлюпик, злобного вида и весь в чёрном, – Декстер Дюпри: Бен назвал его так в честь одного человека, который прославился среди Пендервиков своей противностью и жуткостью. Этот Декстер был когда-то женат на матери Джеффри, но несколько лет назад они развелись; с тех пор она успела ещё раз выйти замуж и развестись и, кажется, уже опять была с кем-то помолвлена. Бен поставил Декстера на один из камней и заговорил самым своим низким голосом и с использованием военного шифра, которому он научился от Ника.

---

²⁵ Люк и Чубакка – из «Звёздных войн», Спок – из «Звёздного пути».

²⁶ А вот Джинни – из серии романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере.

– Ну, сдаёшься, Дельта – Ева – Карамба – Сьерра – Танго – Ева – Ромео?

– Ни за что! – тоненько пропищал Декстер, у которого на шифр явно не хватало мозгов.

– Ха. Ха. Ха. Тебе конец!

Бен установил Ника на Чёрного Ястреба – Ник был слишком большой и внутрь бы не поместился, – чуть в стороне от лопастей пропеллера.

– Я ваш командир, Ноябрь – Индия – Карамба. Все по кабинам. Двигатели запустить. Вж... Вж-ж... Вж-ж-жжж!

– Вот ты где.

Его позиции обнаружены неустановленным лицом – или неустановленными лицами! В целях безопасности Бен быстро перебросил Ника под ближайшую гортензию и завёл Чёрного Ястреба за Тысячелетнего Сокола.

– Вы вступаете в зону военных действий, – низким голосом предупредил он. – Будьте готовы защищаться.

– Ладно, защищусь. – Неустановленное лицо оказалось лицом Скай, которая уже успела протиснуться между гортензиями. – Не хочешь постоять на воротах?

Скай всё время порывалась упаковать Бена в старую бейсбольную кетчерскую маску и нагрудник – тоже от Ника и Томми Гейгеров – и поставить на ворота, а она бы обстреливала его футбольными мячами. У Бена эта идея энтузиазма не вызывала.

– Нет, – сказал он.

– А что тут делает капитан Аполло²⁷? – Скай указывала на парня в синем, широкие плечи которого торчали из-за ссохшегося соцветия гортензии.

– Это не Аполло, это Ник.

– Ник у нас звёздный колонист? А что, ему идёт.

– Он скоро приедет, да, Скай?

– Мы надеемся, что да, скоро. Гейгеры нам сообщат, как только сами что-то узнают. – Она отгребла от себя кроссовкой кучу прошлогодней листвы. – Я посижу с тобой, можно?

Бен отодвинулся.

Садясь на корточки, Скай нечаянно опрокинула Декстера.

– Извини, Спайк, – сказала она.

– Это Декстер.

– Вообще-то это Спайк из «Баффи, истребительницы вампиров». Но он кошмарный типчик²⁸, так что за Декстера сойдёт.

– Хорошо. – Значит, с плохими парнями Бен определился правильно.

Скай выудила из кучи фигурок одну ромуланку.

– А это кто, мама Джеффри? Миссис Т.-Д.-М... или как её.

– Я думал, она теперь опять миссис Тифтон.

---

²⁷ Капитан Аполло – персонаж американского телесериала «Звёздный крейсер Галактика» (*Battlestar Galactica*, 1978–2012).

²⁸ Скай права: вампир Спайк, он же Уильям Кровавый, из американского телесериала про вампиров *Buffy the Vampire Slayer* (1997–2003) – персонаж мало-приятный.

После того как мама Джеффри развелась с мистером Мендуцио, следующим после Декстера мужем, Пендервики решили, что проще всего называть её и дальше миссис Тифтон, – неважно, сколько ещё раз она собирается выходить замуж и разводиться.

– Да, ты прав, хватит с неё и одного имени. Значит, романка – миссис Тифтон, Декстер тоже есть, тогда вот этот далекий²⁹ может быть Мендуцио. – Она наехала далеко на романку. – Уничтожить! Уничтожить!

– Пощады! Пощады! – взвизгнул Бен, подбрасывая в потасовку Декстера.

– Не будет вам пощады, жуткая мать и жуткий отчим, – сказала Скай. – Блям, тум, бум!

– Я плавлюсь! Я уже почти!

Когда фигурки Скай были окончательно сокрушены, она отодвинула их в сторону и заговорила:

– Бен, слушай. Вот ты – мальчик.

– Ну мальчик, – подозрительно ответил Бен. Такое начало разговора ему не нравилось.

– Ну ты же дружишь и с девочками тоже, правильно? С Реми, например?

– Это было сто лет назад.

– А если бы сейчас вы с ней дружили, скажи, вот ты со-

---

²⁹ Дáлеко – раса внеземных мутантов из британского телесериала «Доктор Кто» (*Doctor Who*). Из всех эмоций у далеков присутствует только ненависть, а самое любимое слово у них – «уничтожить».

вершил бы такую глупость – захотел бы вместо того, чтобы по-человечески дружить, взять и влюбиться в неё?

Вопрос загнал Бена в тупик. Обычно в том, что говорила Скай, можно было хоть что-то понять.

– Ты собралась влюбиться в Ника? – осторожно спросил он.

– В Ника!.. Ну ты даёшь.

– Тогда объясни: ты о чём сейчас говорила?

– Попробую, – вздохнула Скай. – Джеффри ни с того ни с сего поглупел. Он хочет, чтобы я стала его девушкой.

– А. Значит, поглупел, да.

– Ну и я ему сказала, чтобы он в эти выходные не приезжал.

– Сюда не приезжал? – не веря, переспросил Бен. Джеффри, почётный Пендервик, которого все здесь ждут не дождутся? Который обещал привезти Бену футболку «Селтикс»?

– Только в эти выходные. Чтобы у него было время опомниться и поумнеть обратно. А на мой день рождения пускай приезжает, я ему так и сказала. Две недели – это же не страшно долго, правда?

– Может, и не страшно. – Бен крутанул пальцем пропеллер Чёрного Ястреба. – Но ты ему ничего такого не сделаешь? Он не исчезнет, как Томми у Розалинды?

– Розалинда тут совершенно ни при чём...

– При чём, Скай. – Томми Гейгер несколько лет был Розалиндиным парнем, а потом вдруг раз – и перестал им быть,

как только они оба поступили в свои университеты. Бетти пыталась Бену что-то объяснять – что-то про «начать всё с начала» и про «новые возможности», но это вообще уже была какая-то ерунда. – Он ни разу даже к нам не зашёл, когда приезжал домой на Рождество. А я хотел показать ему мои подарки. Я *всегда* показываю ему мои подарки.

– Ну хорошо, хорошо, при чём, но у них там не одна Розалинда виновата. Они вместе решили, что им нужна пауза в отношениях. И вообще, может, эта их пауза возьмёт и закончится, и они опять будут встречаться. А я же не собираюсь разругиваться с Джеффри навсегда. Я веду себя мудро – забочусь, чтобы мы с ним и не начинали встречаться, вообще. И это совсем не то, что у Розалинды с Томми. – Скай подобрала далека и, зажав его в кулаке, стиснула изо всех сил. – Просто я не хочу сейчас никаких парней. Хочу окончить школу, поступить в университет и учиться, учиться, учиться – впитывать в себя Вселенную. Ну как тебе объяснить?..

– Я тоже не хочу никаких девушек, но только я не хочу ни сейчас, ни потом. Никогда.

Значит, хотя бы эту часть он понял – если не про Вселенную.

– Ладно, спасибо тебе. Раз ты отказываешься стоять на воротах, тогда я поехала кататься на велосипеде – мне надо подумать. А ты передашь всем, что Джеффри не придет, хорошо? Я не могу сказать Джейн, потому что она ещё спит,

и папе с Иантой тоже не могу сказать, потому что они сразу забеспокоятся и я сразу почувствую себя ужасно.

– Но я же занят! – возразил Бен. В такие минуты ему как никогда хотелось, чтобы у него вместо сестёр были братья. Или, по крайней мере, раз уж братьев всё равно нет, чтобы Ник, Томми и Джеффри находились там, где они больше всего нужны – то есть там же, где и он: на улице Гардем.

– Ну пожалуйста.

– Ладно, передам. – Если уж Скай согласилась унизиться до «пожалуйста», он не мог ей отказать. – Только с Бетти разговаривай сама.

– А почему не ты?

– Потому что Бетти ждёт его больше всех. – Это означало, что Бетти начнёт плакать, а со слезами пусть Скай сама разбирается – в конце концов, это её проблемы, считал Бен.

Но после ещё трёх «пожалуйста» он сдался.

Бен нашёл родителей в кухне, они пили кофе. Лидия сидела рядом на полу и водила перед собой двумя ложками, вычерчивая ими в воздухе какие-то тайные знаки. Бен с Рафаэлем иногда думали: может, она принимает сигналы инопланетных цивилизаций, которые пытаются связаться с землянами? Если так, инопланетные цивилизации ужасно ошибаются: Лидия точно не то человеческое существо, с которым стоит связываться.

– Лидия любит Бена, – сообщила она, временно переключая внимание с ложек на брата.

– Знаю. – Бен обернулся к родителям. – Скай велела передать, что Джефффри не придет в эти выходные.

– Почему? – спросила мама. – У него всё в порядке?

– Он хочет быть парнем Скай. – Бен не знал точно, подпадает ли это под категорию «всё в порядке». – А Скай не хочет никаких парней, потому что она выпитывает в себя Вселенную. Но она сказала, что Джефффри может приехать на её день рождения.

Родители Бена обменялись взглядами, означавшими, что они обсудят услышанное, когда сын уйдёт. Бена это вполне устраивало. Он уже устал от обсуждений, а впереди ещё разговор с Бетти.

– Бетти наверху? – спросил он.

– Да, – ответил папа, – но постой минутку. Мы сейчас едем выбирать новую машину. Хочешь с нами?

– А Лидия едет?

– Да, мы же ещё должны сегодня купить ей кровать для большой девочки. Лидии не терпится поскорее её увидеть – правда, Лидия?

– *Non*³⁰. – Лидия не проявила интереса к кровати для большой девочки.

– Объясни сестре, как замечательно спать в настоящей большой кровати, – попросила его Ианта.

Бену не очень-то хотелось, чтобы Лидия спала в настоящей большой кровати. Её попытки выбраться из детской

---

³⁰ Нет (*фр.*).

кроватки становились всё решительнее. А если она получит возможность в любой момент скатиться с кровати и брести куда ей заблагорассудится, в доме вообще станет невозможно жить.

– Она начнёт из неё сбегать.

– Да, но зато без риска стукнуться головой об пол, как может получиться с детской кроваткой.

– А, понятно. – Бен постарался придать своему голосу побольше воодушевления. – Лидия, спать в настоящей кровати классно, вот.

Лидия окинула его подозрительным взглядом и передвинула одну из своих ложек на сантиметр левее.

– Лучше я останусь дома, – сказал Бен и потащился наверх.

Бетти у себя в комнате слушала Пятую симфонию Бетховена – эта волнующая музыка помогала ей дотянуть до приезда Джеффри. Это была единственная в Беттиной коллекции бетховенская симфония, и у неё был дефект: царапина в начале четвёртой части. Когда-нибудь, когда Бетти заработает кучу денег, она непременно купит себе все бетховенские симфонии, и ни на одной из них не будет никаких царапин.

И ещё кое в чём помогал Бетховен. Он был громкий, и с ним Бетти была спокойна, что, если пение вдруг вырвется из неё наружу, никто не услышит. Что Бетти часто напевает про себя, все знали и так – да и остальные Пендервики что-то

напевали, даже Скай. Но *это* было совсем другое: как будто внутри у Бетти завелась какая-то фея, которая могла взять и запеть в любой распрекрасный момент – в присутствии кого угодно, вот просто потому, что ей так захотелось. Это началось только вчера вечером, и пока что Бетти удавалось кое-как держать ситуацию под контролем, но было ясно, что эту хулиганку придётся как-то укрощать.

А вот и четвёртая часть, и царапина: х-х-хь... х-х-хь... х-х-хь... х-х-хь... Бетти метнулась к проигрывателю – выключить. И в наступившей тишине сразу же услышала условный стук Бена.

– Входи, – крикнула она.

Вид у Бена был очень сердитый.

– Из-за своей музыки ты даже не слышишь, когда я стучу.

– Прости, – сказала она.

И тут это случилось – её фея опять попыталась запеть. Бетти быстро зажала рот ладонью, надеясь, что Бен не заметит.

Он заметил.

– Это что был за звук?

– Какой звук? – спросила Бетти. Точнее, это то, что она собиралась спросить, но получилось что-то вроде «Ай-ой ввук?», потому что рот у неё по-прежнему был зажат ладонью.

– Вот тот, который из тебя сейчас вылетел.

– Может, это у тебя заурчало в животе.

Бен уставился на неё с подозрением. У него не урчало в животе.

– Вот, опять!

– Ну, может, *у меня* в животе.

Бетти стала подталкивать его к двери, но Бен упирался.

– Если у тебя в животе урчит, почему ты тогда зажимаешь рот рукой?

Она убрала руку ото рта, но крепко стиснула зубы – на всякий случай. И снова попыталась выпроводить его из комнаты.

– Чего ты толкаешься? Скай просила тебе кое-что передать.

Фея исчезла, Бетти перестала выталкивать Бена.

– Что передать?

– Сейчас скажу. Только чур без слёз.

– Говори.

– Джефффри не приедет в эти выходные.

Бетти села на кровать: у-ух.

– Почему?

– Скай ему запретила, потому что он хочет быть её парнем, а она не хочет быть его девушкой.

Бетти в ужасе молчала. Они же всё это уже проходили. Несколько лет назад Джефффри решил, что они со Скай должны начать встречаться, а Скай сказала ему, что он дурак. Тогда он стал встречаться с девочкой из Бостона по имени Марго – вот та точно оказалась самой настоящей дурой, в голо-

ве одни тряпки да деньги, и Джефффри наконец это понял, и опомнился, и поклялся, что отныне его жизнь принадлежит музыке, вся без остатка. Он даже попросил мистера Пендервика написать ему это на латыни, как девиз. *Musica anima mea est*. Музыка – жизнь моя. Так зачем же он опять начинает всё сначала, опять про любовь? Он что, становится занудным нормальным тинейджером, как все?

– Катастрофа, – сказала она.

– Не плачь.

– Не плачь, не плачь... я не плачу. – Ну, может, всего пол-слезинки, от неожиданности.

– Но Скай сказала, что Джефффри может приехать на её день рождения и что он не исчезнет насовсем, как Томми, – сказал Бен. – Вот. Это всё, что я должен был тебе передать, а теперь я пошёл. И не надо меня толкать!

Бетти вытерла слёзы. Она и сама уже поняла: фея или не фея, но она не должна была выпихивать Бена из комнаты. Ей же не нравилось, когда её старшие сёстры вот так же её раньше выпроваживали.

– Прости, – сказала она.

Но Бен с высоко поднятой головой уже вышел из комнаты.

В конце улицы Гардем, но не в самом конце, где тупик, а посередине между тупиком и домом Пендервиков в сторону уходит тропинка в рай площадью примерно в полтора квадратных километра – Квиглин лес, царство деревьев, воды и

камней, любимое убежище всех Пендервиков. Этой весной Бетти ещё не была в Квиглином лесу. Точнее, она не была там ни разу после смерти Пса. Но сейчас она направлялась именно туда: ей нужно было побыть одной и подумать.

Зима здесь держалась крепче, чем на улице Гардем. Под каждым крошечным клочком тени прятался клочок снега, вместе этих клочков было слишком много, все не растопчешь. Чтобы не замёрзнуть, Бетти перешла на бег – и так бежала и бежала, а тропинка виляла и виляла под деревьями, пока что голыми и безлиственными. Когда начался уклон, Бетти, не добежав чуть-чуть до невысокой крошащейся каменной стенки, свернула на узкую боковую тропку. Тропка вела к тому месту в Квиглином лесу, которое Бетти и Пёс облюбовали для себя когда-то очень давно. Бетти выбрала его за то, что тут росла старая ива, такая раскидистая и при этом лёгкая и грациозная, а Пёс – за ручей, журчавший под широкой ивовой кроной, где он мог носиться по отмели и одновременно присматривать за Бетти. Но, подбегая, Бетти увидела, что место уже занято: из ивовых ветвей на неё глядел полный негодования красный кардинал; ему не нравился человеческий детёныш, с громким топотом несущийся к его дому.

– Прости, – сказала ему Бетти. – Остайся, пожалуйста, я только побуду немного и уйду.

Но кардинал, ярко-красный и непрощающий, вспорхнул с ветки и улетел. Отвергнутая, Бетти глядела сквозь голые

ивовые прутья в нежно-голубое небо. Может, ей рано ещё сюда приходиться. Может, надо было дожидаться, когда тоска по Псу перестанет быть такой острой.

Она села под деревом и привалилась к стволу, радуясь знакомому ощущению под спиной. Подобрала с земли палку, бросила в ручей. Папа как-то сказал ей: «Пёс бы не хотел, чтобы ты долго горевала: он очень тебя любил, и твоя грусть его бы огорчила». – «Откуда ты знаешь?» – спросила Бетти, и папа сказал, что много лет назад ему объяснил это один человек, перед тем как умереть. «Человек – это моя мама?» – спросила Бетти, и папа ответил да.

Но ей это не помогало.

Интересно, как бы Пёс отнёсся к её неожиданно открывшемуся голосу? Он никогда не отличался особой музыкальностью – и, кажется, не видел разницы между Моцартом и Мотауном, как и между Бейонсе³¹ и Бетховеном. Зато он был, как говорил Джефффри, «идеальная публика»: что бы Бетти ни играла – даже если она нарочно бухала по клавишам ни в склад ни в лад, – Пёс радостно махал хвостом. Она попыталась представить, что он сейчас здесь, с ней, весь уже мокрый после первых забегов в ручей, язык болтается сбоку, карие глаза светятся любовью.

– Как я могла дать тебе умереть. – Она сказала это ручью, деревьям, небу, кардиналу, улетевшему прочь, но ответа не

---

³¹ *Beyoncé* (род. 1981) – американская певица в стиле ритм-энд-блюз, а также актриса, танцовщица, музыкальный продюсер и успешная фотомоделль.

было. Ответа никогда не было.

А она так хотела поскорее увидеть Джеффри, спеть ему. Ох, кажется, она опять сейчас заплачет. Хотя... хотя Пёс никогда не тратил время на жалость к себе. И она тоже не будет.

Бетти глянула в ручей – солнце из ручья глянуло на Бетти. Немного послушала нежное журчанье.

А может, у Скай с Джеффри и не катастрофа. Если Скай разрешила ему приехать через две недели к ней на день рождения, значит, надеется, что эти любовные глупости скоро из него выветрятся. А между днём рождения Скай и Беттиным – ещё целых восемь дней. Достаточно времени, чтобы с помощью Джеффри подготовиться к Большому Концерту.

– Просто придётся подольше подождать, – сказала она. – Я подожду.

А пока ждёт, она как раз успеет получше познакомиться с только что открывшимся в ней, благодаря миссис Грюнфельд, голосом. В конце концов, *Musica anima mea est* – это ведь и её девиз, девиз Бетти Пендервик.

Она встала, уверенно выпрямилась, занавешенная от всего мира длинными ивовыми прутьями. Что ей сказала вчера миссис Грюнфельд? *Откройся для музыки*. Ну что ж. Глубокий вдох. Ещё один.

И она запела.

Глава шестая

ПИР

Спустя семь, девять, а может, десять песен – Бетти сбилась со счёта – она возвращалась по тропинке домой, счастливая и ошеломлённая. Это счастье пришло к ней на третьей песне, «А вот и солнце»³², когда Бетти удалось всего на миг услышать себя будто со стороны – будто её голос принадлежит не ей, а кому-то другому. Этот голос струился меж живых прутьев, взмывал над ручьём и был так хорош и звенящ, что красный кардинал вернулся в изумлении: что это? Неужто человеческий детёныш способен петь так же пре-

---

³² *Here Comes the Sun* – эта песня, написанная Джорджем Харрисоном в 1969 году, стала одной из самых известных композиций группы *The Beatles*.

красно, как птица?

Не то чтобы Бетти совсем не верила словам миссис Грюнфельд про её голос. Ну пусть даже «орхидея на ромашковой лужайке» – немножко преувеличение, всё равно поёт-то Бетти неплохо, она и раньше это знала. Но оказалось всё не так. Оказалось, что миссис Грюнфельд ничего не преувеличивала. Тот голос, что Бетти слышала в лесу, – он и был орхидея. И великий дар, о котором теперь придётся заботиться. И никогда не учиться белтингу.

Какая же она везучая!

На краю леса Бетти сошла с тропы и забралась на ствол поваленного дерева: прежде чем возвращаться на улицу Гардем, в реальный мир, ей захотелось немного посидеть и подумать – определиться с кое-какими практическими вопросами. Миссис Грюнфельд говорила, например, об уроках вокала – да, Бетти хочет брать уроки вокала. Теперь она поняла это окончательно. И она хочет брать эти уроки у учительницы, которая пробудила это волшебство. То есть у миссис Грюнфельд.

Но уроки стоят денег. Конечно, можно попросить деньги у родителей – рассказать о миссис Грюнфельд, потом спеть им, а родители сами придумают, как за эти уроки платить. Только тогда придётся отказаться от сюрприза, от Большого Концерта к Одиннадцатилетию, – но вот этого Бетти совсем не хотелось, теперь тем более. Да и гордость мешала ей просить у родителей больше денег на себя: им ведь приходится

сейчас и думать о новой машине, и платить за университет, не говоря уже о непомерных – *immoderatae* – расходах на еду. У Бетти даже мелькнула мысль отказаться от уроков фортепиано, поменять одно на другое. Нет, она не может на это пойти. Голос голосом, но фортепиано – это слишком важно.

Она должна заработать деньги на уроки вокала самостоятельно. И не тогда, когда она уже станет тинейджером и перерастёт свою стеснительность, а прямо сейчас, не откладывая, открыть собственную фирму под названием «ПИР» – Пендервик Ищет Работу.

Бетти спрыгнула со ствола дерева, вернулась на тропинку и понеслась домой. Во-первых, она извинится перед Беном за свою грубость – потому что она сейчас такая счастливая и ей совсем не хочется, чтобы кто-то на неё обижался. А потом приступит к своему делу – к своему ПИРу. Может, даже и с Беном посоветуется. Бен любит выдавать всякие идеи, и, если рядом нет Рафаэля, который часто подталкивает Беново воображение куда-то не туда, среди них иногда попадаются очень даже толковые.

Когда она наконец вбежала в дом, из гостиной донёсся голос Ианты:

– Беттик, это ты?

Бетти немного пригладила волосы, чтобы они не так буйно кудрявились, и вошла. Ианта по-турецки сидела на полу, перед ней стояла Джейн в платье собственного пошива – пока ещё в процессе, – а Ианта булавками подкалывала на ней

подол. Платье было ситцевое, в мелкий цветочек, жёлтый и оранжевый, не ультрамодное, зато особенное – то что надо для писательницы.

– Я, – ответила Бетти. – Джейн, платье тебе очень идёт.

– Спасибо. Знаешь, я сама придумала фасон! – сказала Джейн. – Ого, какое у тебя счастливое лицо. Что случилось?

– Ничего. – Бетти постаралась умерить счастливость своего лица. Да, тайны хранить нелегко.

– Джейн, поворачивайся, – напомнила Ианта и воткнула в подол ещё несколько булавок. – Бетти, ты уже знаешь, что Джеффри не придет?

– Бен мне сказал. Я очень расстроилась. – Она постаралась добавить расстроенности своему лицу.

– Но вид-то у тебя счастливый. – Джейн сверлила младшую сестру взглядом, который папа называл её «писательским буравчиком».

Бетти незаметно ущипнула себя, чтобы выглядеть поне-счастнее. Если Джейн решит, что счастливый вид младшей сестры – интересная тема для исследования, она будет безжалостно докапываться до причин.

– Джейн, поворачивайся, – сказала Ианта. – И не вынуждай Бетти делать несчастный вид. Счастливый гораздо лучше. А Джеффри со Скай как-нибудь сами разберутся.

– Да, пусть разберутся, пожалуйста, – согласилась Джейн. – Не может же Скай навсегда прогнать человека, который нужен нам всем!

– Вот именно. Дальше поворачивайся. Бетти, хочешь с нами выбирать машину? Мы выезжаем через несколько минут.

– Нет, спасибо. Я... у меня дела. – Она начала пятиться к двери. – Не знаете, где Бен?

– Во дворе, копает камни.

Прихватив на столике перед дверью блокнот и ручку, Бетти вышла во двор. Бен разрабатывал в саду новый участок. Он откопал уже три интересных камня и вывозился с ног до головы.

– Бен, прости меня, – сказала ему Бетти.

– Я знаю, что тот звук был из тебя, – ответил он. – И не из живота.

– Да, ты прав. Прости.

– И это не было похоже на то, как ты обычно напеваешь. Это было похоже на сирену пожарной машины. А потом ты стала меня выталкивать.

– Да, и мне жаль, что так получилось, честно. Бен, ну можешь ты уже на меня не злиться? Пожалуйста.

Он поднял один из выкопанных камней и внимательно его осмотрел.

– Кажется, могу.

– Правда можешь? Потому что у меня к тебе дело. – Бетти немного помолчала: похоже, Бен ждал продолжения. – Мне надо придумать, как заработать денег.

Бен не знал, как отнестись к услышанному. Если Бетти сейчас начнёт зарабатывать деньги, тогда получается, что из

всей семьи без заработка останутся только он и Лидия? Ему не очень-то хотелось сближаться с Лидией таким вот образом.

– Зачем? Чтобы помочь нам купить новую машину?

– Нет, деньги мне нужны на всякую музыку. – Бетти надеялась, что он не будет выяснять, на какую именно «всякую». Но мысли Бена продолжали крутиться вокруг машины.

– Например, ты бы могла заплатить за покрышку. – Бен представил, как было бы здорово, если бы он сам смог заплатить за одну покрышку и она была бы его. Он бы тогда написал на ней сбоку своё имя. БЕН БЕН БЕН БЕН БЕН – мелькало бы по кругу.

– Я не буду платить за покрышку.

– А-а. Кстати, а *как* ты собираешься зарабатывать деньги?

– Открою свою фирму, она будет называться «Пендервик Ищет Работу».

– Какую работу?

В том-то и вопрос, объяснила ему Бетти. Надо разобраться, кем вообще может работать человек, которому почти одиннадцать. Лучше бы, конечно, их учили в школе какому-нибудь делу, а не возведению в степень и не различиям между кучевыми облаками и перистыми. Чинить обувь, например, – чем плохое дело? Ей бы даже не пришлось разговаривать с незнакомыми людьми – только когда они принесут свои туфли, и всё. И то необязательно смотреть им всем в лицо, можно просто на ноги.

Зато Бен, как Бетти и надеялась, сразу же захотел ей помочь, поэтому она открыла блокнот на чистой странице и взяла ручку. Наверху она написала: «*ПИР (Пендервик Ищет Работу)*» и ниже – две идеи, которые пришли ей в голову, пока она бежала домой: «*Лёгкая уборка (вытирание пыли и т. п.)*» и «*Несложные садовые работы (прополка сорняков)*». Бетти очень гордилась своими идеями, но понимала, что даже для начала это слабовато.

– В общем, буду выполнять всякие мелкие работы по хозяйству у наших соседей, – объяснила она. – Это пока всё, что у меня придумалось. Только чтобы не надо было ничего чинить, это я не умею. Пропалывать я вообще-то тоже не умею, но на одном вытирании пыли бизнес же не построишь.

– Томми с Ником стригли соседям газоны, – сказал Бен. – Ник скоро приедет в отпуск – может, он тебя научит.

– Какой смысл, если мне всё равно до двенадцати лет нельзя пользоваться газонокосилкой?

До двенадцати – таково было твёрдое семейное правило. Меньше шансов, что кое-кто из газонокосильщиков отчикает себе пальцы.

– Тогда жди Томми. На летних каникулах он наверняка начнёт опять стричь газоны, а ты будешь идти сзади и собирать в мешки траву, которую он настриг. – Бен представил, как хорошо было бы идти за Томми и вести долгие беседы о баскетболе и о Нике – тяжёлый труд сближает тружеников. Если Бетти не захочет, он может сам ходить собирать траву.

– Бен, ты забыл? Томми с нами теперь даже не разговаривает – с тех пор, как они с Розалиндой расстались.

– Скай считает, что они опять могут начать встречаться.

– Надеюсь... – На это надеялась вся семья – кроме, кажется, Розалинды. А на что надеялась Розалинда, никто не знал. – Но мне всё равно нужны такие работы, чтобы их можно было делать без Гейгеров.

– Копать камни, – предложил Бен и великодушно добавил: – Если хочешь, научу.

– За камни никто не будет платить.

– Бетти, ты хотела, чтобы я придумывал тебе работы? Вот и вписывай: копанье камней. Если кому-то понадобится выкопать все камни в саду, я выкопаю.

– Но это же мой бизнес!

– Впиши. Пожалуйста.

Бетти без особого энтузиазма внесла «*Копание камней*» в свой список.

Окрылённый успехом, Бен высказал ещё одну идею:

– Как насчёт системы наблюдения? Я могу следить за безопасностью на улице Гардем: сяду у окна и буду смотреть в бинокль, который мне подарила Скай. У него есть ночное видение и вообще всё-всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.